

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА
Н.М.КАРАМЗИНА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061152
Сверчковой Ольги Васильевны

Научный руководитель:
к.фил.н., доцент
Смелковская М.Ю.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Философский и социально-политический компонент журналистской деятельности Н.М.Карамзина.....	6
§1. Издательская и журналистская деятельность Н.М.Карамзина.....	6
§2. Повесть Н.М.Карамзина «Афинская жизнь».....	22
§3. Собственная художественная система Н.М.Карамзина.....	26
Глава II. Поэтика повествовательной прозы Н.М.Карамзина.....	33
§1. Публицистическо-философский аспект в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина.....	33
§2. Поэтика и эстетика сентиментализма в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».....	39
§3. Эволюция жанра исторической повести в творчестве Н.М.Карамзина...	45
§4. Методические рекомендации по составлению элективного курса «Н.М.Карамзин в истории русской культуры».....	55
Заключение.....	58
Список использованной литературы.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Каждый раз, сталкиваясь с жизнью и творчеством выдающихся лиц, удивляешься, не только их дарованию, но и силе характера, целеустремленности. В своей деятельности и в своем творчестве Н.М.Карамзин воплотил лучшие черты XVIII века.

В.Г. Белинский в 1843 году писал: «Весь период от Карамзина до Пушкина следует назвать карамзинским» [Белинский 1955:139]. Еще более определенное суждение было им высказано за год до этого. «С именем Карамзина, - писал критик, - соединяется понятие о целом периоде русской литературы, стало быть, от девяностых годов прошлого столетия до двадцатых настоящего. Тридцать пять лет такой блестящей литературной деятельности и около сорока лет такого сильного влияния на русскую литературу, а через нее и на русское общество!» [Белинский 1955: 321].

Н.М. Карамзин предстал перед своими современниками не только как мастер литературы (поэт, драматург, критик, переводчик), заложивший основы современного литературного языка, но и основатель чудесных журналов, создавший первые в истории отечественной словесности альманахи поэзии. В личности Карамзина воедино слились настоящий мастер художественного слова и талантливый историк. Пушкин считал его «последним летописцем и первым историографом Отечества», раскрывая своеобразие его творчества. Ему был присущ дар образного воссоздания прошлого истории в основе которой лежит глубокое изучение первоисточников.

Его многотомный научный труд по истории Отечества является одновременно образцом художественной прозы. Карамзин оставил заметный след не только в искусстве, но и в науке и публицистике, везде деятельность его отмечена чертами подлинного новаторства. Поэтому при характеристике его творчества часто употребляются слова «впервые», «одним из первых». Во многом он подготовил успех младших современников и последователей – деятелей пушкинского периода, золотого века русской литературы.

Широкой известностью в конце XVIII и в первое десятилетие XIX века пользовалось имя Карамзина. Современники признавали большое влияние Карамзина на развитие русского литературного языка. Действительно, в XVIII веке писали тяжёлым по своей конструкции, наполненным славянизмами языком. Произведения Карамзина написаны сравнительно понятным языком, речь в нем близка к разговорной, его сочинения и в наши дни нетрудно читать.

Литературно-эстетические принципы Карамзина опираются как на его собственный писательский опыт, так и на осмыслении им литературы разного времени и разных стран. Итогом переводческой деятельности писателя за многие годы явился выпущенный им в 1798 г. «Пантеон иностранной словесности» в трех книгах. Здесь были представлены и античные, и современные английские, немецкие, французские авторы.

Творчество Н.М. Карамзина представляется нам ответвлением от центральной магистрали русской классической литературы, которое не могло бы развиваться до чего-то многочисленного. Н.М. Карамзин в своей деятельности неоднократно подвергался критике не только современниками, и последующими исследователями за галломанию, уход от серьезных проблем. Но несмотря на все это, проза Карамзина дает нам образец изящества, легкости, отдохновения от каждодневных забот.

Тема данного дипломного сочинения актуальна и в настоящее время, так как дает возможность через призму произведений классика XVIII столетия рассматривать основные тенденции развития литературы.

Научная новизна заключается в комплексном подходе к проблематике новаторской поэтики творчества. Это дает возможность нам познакомиться с таким явлением в отечественной литературе и культуре как Н.М.Карамзин.

Объектом данного исследования являются журналистская, издательская деятельность и художественные произведения Н.М. Карамзина.

Предмет исследования – художественное своеобразие творчества Н.М.Карамзина

Цель данной работы – определить способы и приемы создания новаторской поэтики в творчестве Н.М.Карамзина.

Задачи, которые были поставлены в ходе данного исследования, следующие:

- дать анализ журналистской и издательской деятельности Н.М. Карамзина на примере журналов «Московский журнал», «Аглая», «Вестник Европы»;

- рассмотреть публицистическо-философский аспект в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина;

- проанализировать поэтику и эстетику сентиментализма в прозе Н.М.Карамзина;

- проследить эволюцию жанра исторической прозы в творчестве Н.М.Карамзина

- рассмотреть историко-литературное значение творчества Н.М.Карамзина.

Теоретической основой данной работы послужили труды таких критиков и литературоведов, как В.Г. Березина, Г.А. Гуковский, Т.В. Пирожкова, А.Ф. Смирнов, Л.Е. Татарина.

Структура данной работы состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка литературы.

Во Введении даются основные положения теории по выбранной нами теме, раскрывается ее актуальность, формируются цели и задачи, структура работы.

В первой главе обосновывается философский и социально-политический компонент журналистской деятельности Н.М.Карамзина.

Вторая глава посвящена поэтике повествовательной прозы Н.М.Карамзина .

В Заключении рассматривается роль Н.М. Карамзина в русской отечественной культуре и русской журналистике и делаются окончательные выводы о его новаторской поэтике в творчестве.

Глава I. ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.М.КАРАМЗИНА

§1. Издательская и журналистская деятельность Н.М.Карамзина

Возвратившись из-за границы, Карамзин приступает к работе над изданием журнала. При поддержке Державина, Хераскова и других известных тогда поэтов на участие в его начинании, в ноябре 1790 году в газете «Московские ведомости» помещает объявление об ежемесячной публикации «Московского журнала» с намерением, что будут печататься «русские сочинения в стихах и прозе» и переводы. О чем он и пишет: «С января будущего 91 года намерен я издавать журнал, если почтенная публика одобрит мое намерение. Содержание сего журнала будут составлять:

1) Русские сочинения в стихах и прозе, такие которые, по моему уверению, могут доставить удовольствие читателям. Первый наш поэт – нужно ли именовать его? – обещал украшать листы мои плодами вдохновенной своей музыки. Кто не узнает певца мудрой Фелицы? Я получил от него некоторые новые песни. И другие поэты, известные почтенной публике, сообщили и будут сообщать мне свои сочинения. Один приятель мой, который из любопытства путешествовал по разным землям Европы, – который внимание свое посвящал природе и человеку, преимущественно пред всем прочим, и записывал то, что видел, слышал, чувствовал, думал и мечтал, – намерен записки свои предложить почтенной публике в моем журнале, надеясь, что в них найдется что-нибудь занимательное для читателей.

2) Разные небольшие иностранные сочинения, в чистых переводах, по большей части из немецких, английских и французских журналов, с известиями о новых важных книгах, выходящих на сих языках. Сии известия могут быть приятны для тех, которые упражняются в чтении иностранных книг и в переводах.

3) Критические рассматривания русских книг, вышедших, и тех, которые вперед выходить будут, а особливо оригинальных; переводы, недостойные внимания публики, из сего исключаются. Хорошее и худое замечается будет беспристрастно. Кто не признается, что до сего времени весьма немногие книги были у нас надлежащим образом критикованы.

4) Известия о театральных пиесах, представляемых на здешнем театре, с замечаниями на игру актеров

5) Описания разных происшествий, по чему-нибудь достойных примечания, и разные анекдоты, а особливо из жизни славных новых писателей.

Вот мой план. Почтенной публике остается его одобрить или не одобрить; мне же в первом случае исполнить, а во втором молчать.

Материалов будет у меня довольно; но если кто благоволит присылать мне свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом, в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы. Впрочем, все, что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указного дозволения,— все, что может нравиться людям, имеющим вкус, тем, для которых назначен сей журнал, — все то будет издателю благоприятно.

Журналу надобно дать имя; он будет издаваем в Москве, итак, имя готово: «Московский журнал» [Карамзин 1984:6].

Основная его задача в том, чтобы «доставить удовольствие читателям». Как мы видим, в программе «Московского журнала» он заявлял о своем расхождении с масонами тем, что отказывается печатать «теологические, мистические, слишком ученые, педантические сухие статьи». Однако, еще до отъезда за границу, он в 1792 году, во время разгрома правительством московских масонов, напечатал в «Московском журнале» оду «К милости» в защиту Новикова. Карамзин дал высокую оценку просветительской деятельности Новикова, сохранив к нему глубокое уважение.

Первая книжка журнала вышла в свет 1 января 1791 года. «Московский журнал» публиковался ежемесячно на протяжении 1791 – 1792 гг. – двенадцать книжек в год, соединенных в четыре части. Всего вышло восемь частей «Московского журнала», переизданного в силу успеха у читателей в 1801 – 1803 гг.

«Московский журнал» был очень живым, интересным журналом. Читателю он дал хорошие стихи и прекрасную прозу, знакомил их систематически с западной литературой, развивая его литературный вкус и расширял его культурный кругозор. Карамзин говорил своим читателям в одном из первых номеров журнала : «Постараюсь, чтобы содержание журнала было как можно разнообразнее и занимательнее» [Гуковский 1998:441] .

Первый русский литературный журнал был рассчитан на большой круг читателей и – чего не знала прежде русская словесность – читательниц.

Журнал Карамзина был журналом нового типа. В нем выходили произведения оригинальные и переводные, которые отличались высоким эстетическим вкусом. И за это сразу был принят читателями. Он насчитывал более 300 подписчиков.

«В выполнении своей задачи, - пишет Я.К. Грот, - Карамзин показал много искусства, такта, понимания потребностей современной публики» [Гуковский 1998:441]. С «Московским журналом» сотрудничали известные поэты его времен. Так, Державин явился постоянным вкладчиком его издания. За ним шли М.М. Херасков, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.В. Капнист и другие. И.И. Дмитриев поместил в журнале много своих стихотворений, благодаря этому, оформилось и окрепло его дарование. Основную долю журнала занимали переводы из известных писателей из Мармонтеля, Флориана, Гарве, Морица, Стерна. Карамзин познакомил русскую публику с Оссианом, песни которого в немецком переводе приобрел он в Лейпциге, также с индийской драмой «Саконталой» и с мнением о ней Гете. Значительную цену придавал он биографии славных новых писателей и напечатал, между тем, статьи о любимых им поэтах: Клопштоке, Виланде и Геснере.

Там напечатаны прозаические произведения Карамзина, стихотворения, рецензии, занимательные информационные материалы, где проявилась просветительская направленность и независимость его суждений и поведения. Когда арестовали Новикова, Карамзин смело напечатал оду «К Милости», в которой упрекает Екатерину II в попрании ею же провозглашенных принципов просвещенного правления.

Особенную популярность обрела трогательная повесть «Бедная Лиза», которая повествует о трагической любви и верности. Впечатление, которое произвело на русских читателей сопоставимо с тем, которое было в Германии 1770-х годов от появления «Страданий молодого Вертера» Гёте. Повесть признали лучшим из вершинных сочинений «века Просвещения».

Отдел «Русских сочинений в стихах и прозе» был самым обширным, т.к. в нем большая часть произведений принадлежала самому издателю. Здесь были напечатаны такие произведения Карамзина, как «Письма русского путешественника», печатавшиеся из номер в номер по частям, «Бедная Лиза», «Фрол Силин», очерк «Деревня», баллады «Раиса», «Граф Гваринос», стихотворения, театральные рецензии, разборы русских и иностранных книг и т.д.

Карамзин считал, что для успеха журнала у читателей необходимо «разнообразие» и «хороший выбор сочинений». Он стремился своими публикациями в журнале содействовать нравственному и эстетическому воспитанию читателей. До Карамзина в России были периодические издания, но не издавался ни один журнал.

В журнале впервые открылся регулярный отдел критики и библиографии (об этом, как мы помним, он уведомлял российского читателя в объявлении о выходе в свет нового журнала). Разделы критики были следующие: «Разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах», «Критические рассмотрения русских книг», «Известия о театральных пьесах». Это было новое понимание задач критики: «Хорошее и худое замечено будет беспристрастно».

Сознательно отказался Карамзин от обращения к политическим вопросам, он предпочитал не вступать в полемику, особенно, с сатирическими журналами, в которых неодобрительно относились к новому журналу сентиментального направления, который, по его мнению, способствовал утверждению его в искусстве.

Журнал Карамзина кажется был чисто литературного направления.. Перед словесностью ставились и решались социально-политические проблемы, философские и политические трактаты принимали художественную форму. Карамзин всегда следовал традиции века Просвещения и смотрел на художественное произведение, как на средство пропаганды идей философии и политики. По его убеждению, сухие и ученые трактаты не привлекут внимания читающей публики, т.к. они доступны только ученым и философам небольшого круга. Он считал, что сочинитель должен «сообщать свои нравоучения и понятия о разных вещах, важных для человечества» «в привлекательной одежде» [Смирнов 2005: 45], т.е. живо, занимательно. Поэтому «Московский журнал», который был рассчитан прежде всего на вкусы дворянского читателя, стал интересным и для людей низших сословий.

Н.М. Карамзин в подборе материала для журнала опирался не только на занимательность сюжета, но и на соответствие идей данного произведения его собственным воззрениям. Надо отдать должное, делал это Карамзин осторожно. Постоянный друг-читатель находил в журнале пищу для размышлений. Успех журнала определялся не только занимательностью и хорошим литературным языком, так как в нем затрагивались многие проблемы, которые волновали молодого интеллигента.

В январе 1791 года вышла первая книга «Московского журнала» с следующим предуведомлением: «Вот начало – издатель употребил все силы свои, чтобы продолжение было лучше и лучше. Журнал выдавать не шутка, я знаю, однако ж чего не делает охота и прилежность. Множество иностранных журналов лежит у меня перед глазами; ни одного из них не возьму я за точный образец, но всеми буду пользоваться. Читатель увидит в сей первой книжке

творения тех поэтов, о которых говорил я в объявлении; и впредь будет их видеть. Путешественник, приятель мой, сообщает свои записки в письмах к семейству друзей своих» [Смирнов 2005:45].

«Рассматривая это издание, - отмечает А.Ф. Смирнов, - нельзя не удивляться искусству молодого издателя, его вкусу, уменью пользоваться иностранными источниками, знанию потребностей общества. Он понял верно, на какой степени образования оно находится, что может быть для него приятно и вместе полезно, чем можно на него подействовать и возбудить его любопытство, и доставил ему в «Московском журнале» такое занимательное чтение, которое, вполне его удовлетворяя, вместе трогало, шевелило, открывало вид в прекрасную, дотоле не изведанную область» [Смирнов 2005:45].

В 1866 году М. Погодин назвал первую книжку, «семидесятипятилетнюю старушку», «прародительницею всех нынешних журналов, и вместе с тем эпохою в истории русской литературы, не только журналистики: ею Карамзин собственно начал свою литературную деятельность» [Смирнов 2005:45]. Погодин дал обзор первого номера журнала, который не сохранился до наших дней. Первую книгу открывает стихотворение патриарха нашей словесности Михаила Матвеевича Хераскова под заглавием «Время». За ним следует знаменитое «Видение Мурзы» Державина. За Державиным следует стихотворение самого Карамзина «Послание к Филлиде в день ее рождения».

Стихотворный раздел завершает Дмитриев, только что вступив на литературное поприще и начав такое преобразование в языке поэзии, какое Карамзин в языке прозы.

Уже в первом номере в разделе прозы появились «Письма русского путешественника» – легкие, живые, занимательные и вместе вызывавшие на размышление, с анекдотами, встречами, описаниями. Они сразу привлекли общее внимание и стали для Карамзина началом его славы. И, наконец, в первом номере журнала был помещен подробный разбор Лессинговой трагедии «Эмилия Галотти», которую перевел и напечатал Карамзин пред отъездом за границу. Эта трагедия в Москве была очень популярна и любима

зрителем, и, пишет М. Погодин, «можно себе представить, как любопытно было для московских жителей выслушать лекцию Карамзина и о пьесе, и о ее представлении» [Смирнов 2005:46].

Последующие книжки «Московского журнала» не только не уступали первой, но и возвышались пред нею в своих достоинствах. «Письма русского путешественника», которых занимательность возрастала все больше, составили их основание. Наравне с ними в журнале постоянно публиковались новые пьесы (например «Фрол Силин»).

В стихотворном разделе «Московского журнала» из номера в номер публиковались произведения Державина, Дмитриева, Нелединского-Мелецкого и, конечно же, самого Карамзина.

Раскрывая свою позицию, редактор писал: «Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце, а в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник удовольствий» [Смирнов 2005:46].

В плане внимания Карамзина к проблемам языка, литературы интересна заметка о театре, где поднят вопрос о соотношении живой разговорной речи, с одной стороны, и книжного, литературного языка – с другой. «Жаль, что переводчик (драмы «Граф Ольсбах») употребляет слова сие и оное, что на театре бывает всегда противно слуху. Употребляем ли мы сии слова в разговорах? Если нет, то и в комедии, которая есть представление общежития, употреблять их не должно. Чем слог театральной пьесы простее, тем лучше». Вот такой был «Московский журнал» 1791 года. Он положительно воздействовал на публику. Воспитывал эстетические вкусы, формируя более просвещенного и взыскательного читателя.

Финансовое положение, несмотря на громадный успех журнала, издателя было трудным. От трехсот подписчиков он имел доход в полторы тысячи рублей в год. Если учесть, что Державину, Дмитриеву, Хераскову надобно было выплачивать пристойные гонорары, то за вычетом издержек на бумагу и

тиснение, Карамзину, который вел журнал один, одновременно выступая в роли издателя, редактора, и корректора.

Но дело было не только в трудностях материальных. В конце 1791 года Карамзин написал вот какое послание к читателям: «Надеюсь, что «Московский журнал» не наскучил еще почтенным моим читателям, решился я продолжать его и на будущий 1792 год. Я издал уже одиннадцать книжек – пересматриваю их и нахожу много такого, что мне хотелось бы уничтожить или переменить. Такова участь наша!... Однако ж смело могу сказать, что издаваемый мною журнал имел бы менее недостатков, если бы 1791 год был для меня не столь мрачен; если бы дух мой спокоен был, прошу читателей моих помнить, что его издает один человек» [Смирнов 2005:49].

Карамзин только мечтал о том, что наступит время, когда ему, одиночке-энтузиасту, придет талантливая молодежь: «Если бы у нас могло составиться общество из молодых, деятельных людей, одаренных истинными способностями; если бы сии люди с чувством своего достоинства, но без всякой надменности, свойственной только низким душам, — совершенно посвятили себя литературе, соединили свои таланты и, при алтаре благодетельных муз, обещались ревностно распространять все изящное, не для собственной славы бескорыстной любви к добру; если бы сия любезнейшая мечта моя когда-нибудь превратилась в существенность: то я с радостью, сердечною радостью удалился бы во мрак неизвестности, оставя сему почтенному обществу издавать журнал, достойнейший благоволения российской публики. В ожидании сего будем делать, что можем» [Смирнов 2005: 55].

Но несмотря на все трудности, журнал процветал. Внимание среди читателей росло все больше, поэтому росло и число подписчиков. Но в декабре Карамзин неожиданно для публики объявил о прекращении выхода журнала, поблагодарив читателей за постоянное внимание и поддержку. Обстоятельства, вызвавшие это решение, достаточно полно изложены М. Погодиным, опиравшимся не только на опубликованные источники, но и устную информацию осведомленных лиц, не во всем объеме до нас дошедшую. М.

Погодин правильно отметил, что прекращение журнала связано было с состоянием его издателя, который устал от срочной изнуряющей деятельности, ведь он один вел журнал, сказался душевный надлом (умер его друг А.А. Петров, Н.И. Новиков попал в тюрьму), но для этого были и другие причины.

Прекращение журнальной деятельности свидетельствует о душевном беспокойстве, каком-то надломе, если не кризисе. Это видно и по письмам Карамзина, где скорбь от потери и недугов близких ему лиц раскрывается лишь как одна из причин надлома, и притом не основная. Так, 17 февраля 1793 г. он пишет Дмитриеву: «Отовсюду неприятные вести! Везде горизонт так черен и грозен! Какое время, мой друг! Но, может быть, пройдут тучи; хаос разделится и солнце проглянет...» [Смирнов 2005:55]. Следовательно, журнал был предречен и после двух лет регулярных ежемесячных выпусков прекратил свое существование.

В. Г. Березина в статье «Карамзин-журналист» пишет о тех чертах, которые дают возможность считать Карамзина родоначальником «настоящего журнала». По мнению ее, «эти черты следующие: 1) определенное твердое направление, 2) строгий отбор произведений для печати с учетом общего направления издания, 3) разнообразие материала, его опознавательный характер, 4) чувство современности, 5) постоянные отделы и рубрики, 6) хорошая постановка отдела критики, 7) чистый литературный язык, 8) умение говорить с читателем “увлекательно”, “занимательно и живо”» [Березина 1973 : 99].

В Европе и России произошли события, которые прервали издание просветительского журнала Карамзина. Поэтому надобно было осмотреться, осмыслить случившееся и принять обдуманное, взвешенное решение.

Совсем прошло немного времени как Карамзин снова возвращается к издательской деятельности, которая являлась делом всей его жизни. Прощаясь с публикой в последней книге своего журнала, Карамзин писал между прочим: «Между тем у меня будут свободные часы, часы отдохновения; может быть, вздумается мне написать какую-нибудь безделку; может быть, приятели мои

также что-нибудь напишут... Сии отрывки или целые пьесы намерен я издавать в маленьких тетрадках, под именем... например «Аглаи», одной из любезных граций. Ни времени, ни числа листов не назначаю; не вхожу в обязательство и не хочу подписки; выйдет книжка, публикуется в газетах – и кому угодно, тот купит ее» [Соловьев 1997: 46].

И далее: «Таким образом «Аглая» заступит место «Московского журнала». Она должна отличаться от сего последнего строжайшим, т.е. более выработанным слогом; ибо я не принужден буду издавать ее в срок. Может быть, с букетом первых весенних цветов положу я первую книжку «Аглаи» на алтарь граций; но примут ли сии прекрасные богини жертву мою или нет – не знаю. «Письма Русского Путешественника», исправленные в слог, могут быть напечатаны особливо, в двух частях: первая заключается отъездом из Женевы, а вторая – возвращением в Россию. Драма кончилась и занавес опускается» [Соловьев 1997: 46].

В конце 1793 года Карамзин подготовил сборник «Аглая» для читателей к изданию. В основу его вошли произведения Карамзина: «Что нужно автору?», «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Цветок на гроб моего Агатона», повесть «Остров Борнгольм» и отрывок из «Писем русского путешественника» под названием «Путешествие в Лондон».

На наш взгляд, интересна статья Карамзина «Что нужно автору?», помещенная в этот сборник, где он размышляет о литературном таланте и о качествах, которые необходимы для писателя и журналиста: «Говорят, что автору нужны таланты и знания: острый, пронизательный разум, живое воображение и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно иметь и доброе, нежное сердце, если он хочет быть другом и любимцем души нашей; если хочет, чтобы дарования его сияли светом немерцающим; если хочет писать для вечности и собирать благословения народов. Творец всегда изображается в творении и часто – против воли своей. Тщетно думает лицемер обмануть читателей и под златою одеждою пышных слов сокрыть железное сердце; тщетно говорит нам о милосердии, сострадании,

добродетели! Все восклицания его холодны, без души, без жизни; и никогда питательное, эфирное пламя не польется из его творений в нежную душу читателя» [Карамзин 1987:26].

Этот альманах является прототипом всех наших будущих альманахов. Он был составлен умелой рукой человека, который знал интересы публики, чтобы нравиться ей. Здесь мы находим несколько восторженных фраз о пользе просвещения, много стихов, рассказы.

Первая книжка «Аглаи» открывалась стихотворением Карамзина «Приношение Грациям», под ним стояла дата 3 июня 1793 года. В «Приношении Грациям» он объявил о своем новом жизненном принципе: «под мраком черных туч ужасные грозы, носящейся над нами», только искусство составляет отраду в жизни и проливает «светлый луч» в «чувствительные души». В следующей за «Приношением Грациям» статье «Цветок на гроб моего Агатона» он не призывал уже к борьбе со злом, а просто примирился с его существованием: «Так, мой друг! везде есть зло; но кто в мире и любви умеет жить с собою, тот радость и любовь во всех странах найдет».

Карамзин считает, для того, чтобы ужиться в мире, надо руководствоваться не исторически преходящими модными утопиями и мечтами, а христианской нравственностью, чуждаться пороков, не склонив головы перед золотом и чинами. Этого достаточно, чтобы жизнь прожить и «дней своих не прекратить железом острым или ядом».

В жизни Карамзина важную веху составили сборники «Аглаи». Произведения, вошедшие в сборник, отразили духовный кризис, который в это время он испытывал. Это видно из содержания одной из статей, ранних по времени написания, вошедших в первую книжку «Аглаи», а именно статьи «Нечто о науках, искусствах и просвещении». В этой статье Карамзин критиковал знаменитое рассуждение Руссо: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов».

Выступление Карамзина против старой статьи Руссо в разгар ожесточенной борьбы противостоящих сил Французской революции; между

Горой и Жирондой, надо расценивать как стремление Карамзина отмежеваться от тех демократических, крайних направлений во французском обществе, а значит, и просвещении, которые привели к диктатуре якобинцев. Статья Карамзина содержала не только критику взглядов Руссо, в ней излагалась программа просвещения и общественного развития, автором была разработана концепция эволюционного органического развития, противопоставленная революционным катаклизмам.

Главное возражение вызывает у Карамзина тезис Руссо: «науки и искусства портят нравы». Возражая Руссо, Карамзин писал: «жалуются на разврат, на губительные пороки наших времен – но много ли философов? Много ли размышляющих людей?...» [Карамзин 1984:50]. Человечество, доказывает Карамзин, проходит путь от нравственного несовершенства к совершенству. При этом духовная природа человека «в течение времен, подобно как золото в горниле, очищается и достигает большего совершенства» [Карамзин 1984:48].

Карамзин оспорил мнение Руссо о добродетельности спартанцев, отвергнув самую мысль о существовании «Счастливой Аркадии». «Аркадия Греции не есть та прекрасная Аркадия, которою древние и новые поэты прельщают наше сердце и душу», - писал он. Жители исторически существовавшей Аркадии – спартанцы, не были такими невежественными людьми, какими их представляет Руссо. У них были и науки и искусства, «они имели свою мораль, свою логику, свою риторику, хотя учили их не в академиях, а на площадях...» [Карамзин 1984:53]. Были ли спартанцы добродетельнее прочих греков? – ставит вопрос Карамзин и отвечает: «Не думаю. Там, где в забаву убивали бедных невольников, как диких зверей; где тирански умерщвляли слабых младенцев... там, следуя общему человеческому понятию, нельзя искать нравственного совершенства». Спартанцы под добродетелью понимали мужество и храбрость, «которая только по своему употреблению бывает добродетелью».

Но это исторически оправдано. Время искупает нравы – это было убеждением Карамзина. В средние века грабеж и разбой почитались обычным явлением и не рассматривались как преступление против нравственности. А в просвещенный XVIII век порок старается скрываться под личиной добродетели. Почему? Да потому, что, по мнению Карамзина, в нынешние времена гнушаются им (пороком) более, нежели прежде, свидетельствует ли это о падении нравов? По мнению Карамзина, нет, так как первый шаг к добродетели «есть познание гнусности порока» [Карамзин 1984:52].

Вторая книжка «Аглаи» вышла в свет к октябрю 1794 года. В нее вошли повести Карамзина «Сиерра-Морена», «Афинская жизнь», философские статьи «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» и поэтический шедевр сказ «Илья Муромец».

Итак, «Аглаи» вышло всего два сборника. После них Карамзин издал еще один сборник под названием «Аониды», в котором были помещены его различные стихотворения, называя поэзию «цветником чувствительных сердец». По словам Е.А. Соловьева, «о стихах Карамзина можно вообще сказать, что, читая их, вы не ощущаете никакого восторга, точно так же, как его не ощущал сам автор, когда писал их. Карамзину было чуждо именно то, что мы называем вдохновением, оттого и самый язык его не имеет энергии. При чтении вы чувствуете недостаток гармонии и глубокого чувства. Лиризм его самый бледный; раз он касается природы, все дело ограничивается цветистыми лугами, соловьем и малиновкой... Поэты рождаются, а Карамзин не был рожден поэтом» [Соловьев 1997:47].

Этот сборник не принес большого успеха, как «Аглая». На время Карамзин оставил журналистику, хотя совсем не прекращал свою литературную деятельность.

В начале девятнадцатого века наступает новый этап журналистской деятельности Карамзина. И связан он связан с выпуском журнала «Вестник Европы».

В начале XIX века изменилась цензура. Она уже не была столь строга, как прежде. Книгопродавцы и типографщики предложили Карамзину взяться опять за издание журнала. Он согласился, и в свет вышел «Вестник Европы» (1802). Программа журнала была интересна. Да, и само название – уже целая программа.

«Немногие, - писал Карамзин перед выходом этого журнала, - получают иностранные журналы, а многие хотят знать, что и как пишут в Европе: «Вестник» может удовлетворять сему любопытству, и притом с некоторою пользою для языка и вкуса. Нам приятно думать, что в Грузии и в Сибири читают самые те пиесы, которые (двумя или тремя месяцами прежде) занимали парижскую и лондонскую публику. Сверх того в «Вестнике» будут и русские сочинения в стихах и прозе; но издатель желает, чтобы они могли без стыда для нашей литературы мешаться с произведениями иностранных авторов» [Соловьев 1997:54].

«Вестник Европы» во многом определил тип русских журналов XIX столетия, ставивших политические вопросы. В обращении к читателям «Вестника» Карамзин писал: «В политическом отделении будут как известия, так и рассуждения; постараемся, чтобы читатели русских ведомостей не находили его излишним» [Татарина 2001:339].

Журнал «Вестник Европы» был первым на русском языке обзором иностранной жизни. Его двухнедельные обзоры заключали самый разнообразный материал. Здесь читатель узнавал о Бонапарте и Питте, о замыслах французского правительства, об ошибках союзников, об учреждении ордена Почетного легиона и т.д. Интересными и живыми были обзоры, как и все, что выходило из-под пера Карамзина.

Более подробно программа журнала изложена в обращении к читателю, напечатанном в 23-й книжке за 1802 год. «„Вестник“ будет... сообразно с его титулом, содержать в себе главные европейские новости в литературе и в политике, все, что покажется нам любопытным, хорошо написанным, и лучшие авторы Европы должны быть в некотором смысле нашими сотрудниками... а

нам остается изображать их мысли, как умеем. Сверх того в “Вестнике” будут и русские сочинения в стихах и прозе...».

Журнал печатался в месяц два раза, и это позволило Карамзину быстрее сообщать новости политики и литературы.

«Вестник Европы» явился основоположником в русской журналистике нового типа журнала – литературно-политического и оказал влияние на все последующее развитие отечественной журналистики. Журнал имел ярко выраженную направленность: материалы, напечатанные в нем, отвечали программе издателя, основой для него был переводной материал, на который издатель накладывал свои узоры.

Журнал делился на два отдела: литературный (отдел «Литература и смесь») и политический (отдел «Политика»). Это была новость в нашей журналистике. Открывался он литературным отделом. В нем печатались как художественная проза и стихи, так и статьи по истории, биографии известных людей, статьи по различным вопросам внутренней жизни России. Из художественных произведений Карамзин помещал в журнале переводы сентиментальных повестей (А. де Сталь, А. Коцебу). Из русских писателей печатались близкие Карамзину авторы: И.И. Дмитриев, Г.Р. Державин, В.Л. Пушкин, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, В.В. Измайлов, В.А. Жуковский и др. Карамзин напечатал и ряд своих исторических статей и повестей: «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», «О тайной канцелярии», «Путешествие вокруг Москвы», автобиографический роман «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь» и др.

Политический отдел подразделялся на разделы «Общее обозрение» и «Известия и замечания». В «Общих обозрениях» печатались сообщения о событиях в Европе, Азии, Америке, взятые из иностранных журналов. В «Известиях и замечаниях» давался редакционный обзор событий внутренней и внешней жизни западноевропейских государств и России.

Отдел политики отличался разнообразием тематики, уровнем ее раскрытия. Здесь сообщалось о внутренней политике Англии и Франции, о мероприятиях консула Бонапарта, помещались отчеты министров, заседаний парламента, статьи о конституциях различных государств, о событиях в Старом и Новом свете, биографии политических деятелей и многое другое. Диапазон журнала был широк, т.к. охватывал все стороны жизни России. Журнал нес читателю большое количество информации, изложенной простым литературным языком.

«Вестник Европы» Карамзина мгновенно завоевал большую популярность. Уже 14 января 1802 года Карамзин сообщил Дмитриеву, что «пренумерантов немало: около 580; вероятно, что и прибавится». Вскоре число подписчиков превзошло 1200 и потребовалось второе издание журнала.

И.И. Дмитриев назвал «Вестник Европы» «лучшим нашим журналом, который удовлетворял читателей обоих полов, молодых и старых» [Смирнов 2005 :83]. А.И. Тургенев также упоминает о «Вестнике Европы», который читает с большим удовольствием: «Пиесы интереснее прежних; слог у Карамзина стал чище... право, мало, очень мало немецких журналов, которые бы могли с «Вестником» сравниться» [Смирнов 2005 :83].

К сожалению, по сравнению с «Московским журналом», в «Вестнике Европы» отсутствовал отдел критики. Сам Карамзин объяснял это «неприятностью иметь дело с беспокойным самолюбием людей» и тем, что «мы еще не Крезы», т. е. бедностью литературы, а критика может вообще отбить охоту писать.

Так же как и «Московский журнал», «Вестник Европы» пользовался большим успехом у читателей. Несмотря на успех, Карамзин расстался с журналом очень скоро – уже в 1803 году. Его слабые глаза не выдерживали напряженной работы, постоянного чтения корректур и рукописей. «Вестник Европы» прекратился и опять очистилось место для «Невинного развлечения» или «Что-нибудь от безделья на досуге» и т.п. журналам, нищенские заглавия которых достаточно говорят о их содержании.

Карамзин оставил журналистику и начал работу над созданием важнейшего труда своей жизни – «Истории государства Российского».

«К чему ни обратиться в нашей литературе – всему начало положено Карамзиным: журналистике, публицизму, изучению истории», [Цит. по: Пирожкова 1978:3] - в этом многократно цитированном высказывании В.Г. Белинского точно определено и значение Карамзина в истории русской литературы и разнообразие его дарований, которые он, по выражению Н.В. Гоголя, «не зарыв в землю».

Выделенные Белинским сферы деятельности Карамзина были изучены неравномерно: лучше известен Карамзин-писатель, Карамзин-реформатор, чем Карамзин-журналист, хотя появлялись серьезные статьи, посвященные этой теме (например, М. Погодин «Московский журнал», А. Пятковский «Русская журналистика при Александре I» и др.).

На основе имеющихся материалов мы попытались в данной работе рассмотреть деятельность Карамзина как журналиста. Из этого следует, что вопрос о Карамзине-журналисте не может считаться до конца исследованным, он требует рассмотрения гораздо более обстоятельного, чем это возможно в рамках данной работы.

Следовательно, Н.М. Карамзин является родоначальником русской журналистики. Это отмечал также и В.Г. Белинский: «До Карамзина у нас были периодические издания, но не было ни одного журнала: он первый дал нам его. Его “Московский журнал” и “Вестник Европы” были для своего времени явлением удивительным и огромным, особенно если сравнить их не только с бывшими до них, но и после них на Руси журналами» [Белинский 1955:140].

§ 2. Повесть Н.М. Карамзина «Афинская жизнь»

В повести Н.М.Карамзина «Афинская жизнь»(1795) содержится одна из наиболее восторженных филэллинистических деклараций русской культуры. Это эмоциональное изъявление приязни стоит особняком в

творчестве писателя и мало соотнобразуется с тем значением, которое, как известно, имели для юного Карамзина литература европейского сентиментализма и преромантизма, масонские сочинения или готический роман. Тем любопытнее вопрос о «духовных корнях» следующего пассажа: «Греки! Греки! Кто вас не любит? Кто с холодным сердцем может вообразить себе прекрасную картину древних Афин? Кто не скажет иногда со вздохом : «Для чего я не современник Платонов?» [Карамзин 1987:125]. Таким образом, повесть «Афинская жизнь» - текст, который описывает ужин у афинянина Гиппия. Воплощая этот образ античности в творчестве, Карамзин не дает ответа на подобные происходящие представления. Обращение, написанное к «Письмам русского путешественника» оказалось более полноценным. Художественному произведению свойственно субстрат биографии, который позволил автору и его герою, Путешественнику, пользоваться «Письмами», как свидетельством встреч, которые Карамзин испытывал во время путешествия по Западной Европе. Существенную роль во время составления следующего маршрута сыграла начитанность Карамзина в немецкой современной литературе. Немецкий филэллизм приблизился к апогею через спектр культурных явлений таким как изобразительное искусство, литература и художественная мысль. Аполлинийский образ древней Греции противостоял латинской ориентации, классицизму Франции, а так же способствовал греко-германскому ощущению сродства. Сочинения Винкельмана побудили Лессинга, Гердера, Зульцера, Гете, Шиллера, Шеллинга, Гельдерлина к античности. Находясь в Европе, Карамзин встретился со знаменитостями немецкой культуры.

Наверное, кровавый 1793 год, его восприятие в России, и особенно участь Н.И. Новикова, толкнули Карамзина на размышления о судьбах тех людей, которые, не довольствуясь личным счастьем, посвящали свою жизнь служению человечеству.

Этому вопросу посвящена повесть «Афинская жизнь», которую он написал в 1793 году. В центре внимания автора стоит личность Сократа, одного из

величайших смертных. В повести показана жизнь Афин, в которой каждый человек наслаждался искусством, поэзией и счастьем. Но в просвещенных Афинах также торжествовало зло. Жертвой его стал Сократ, человек, посвятивший жизнь «добродетели и мудрости», питавший пламенную любовь к близким, ревность к истреблению всех предрассудков, унижающих достоинство человека.

Враги добродетели стали врагами Сократа, они настроили против него всех граждан Афин, и Сократ должен был выпить чашу с ядом. «О человечество! - восклицает Карамзин, - ...я стенаю о твоих заблуждениях!» «Правосудие людей не есть небесное правосудие!.. - продолжает он. - Ослепление не может быть вечно: заблуждения исчезают от света истины...», но «благодетели твои лежат уже во прахе» [Карамзин 1987: 65]. Следовательно, Карамзин делает вывод, что в основе высших законов лежит не зло, которое управляет миром. Сократ погиб, зло временно восторжествовало, но «добродетельный остается всегда победителем», - говорит Карамзин словами Сократа. Автор приходит к выводу, что зло может временно восторжествовать в любой момент, ослепление может завладеть людьми, но сквозь хаос человеческих страстей с неумолимой последовательностью пробивает себе дорогу закон развития мира к совершенству, начертанный Высшей волей. Сократ стал жертвой невежества, но его ученики распространили его учение, семена добродетели, посеянные им, дали всходы.

Две части «Аглаи» состоит из нескольких частей - это повести «Остров Борнгольм», «Сиерра- Морена», «Афинская жизнь». Все они посвящены воображаемому путешествию в культурное, географическое и временное пространство. Их можно сравнить с предромантической прозой А.Радклиф «романом тайн». Перечитывая эти произведения, на память приходят воспоминания об акмеистической прозе. Перед нами автор рисует ту же условность мира, которая сочетается с очень прозрачной стилистикой повествования и внимания к внешности предметов. Ими автор заполняет свой мир призраков; сохраняется лирическое повествование, насыщенность

прозы звуками и ритмами, прозрачность слова, сочетание четкости реальности.

Автору присуще в этих повестях пространство, которое Карамзин на самом деле не посещал: это и Андалузия и рыцарская Скандинавия (на остров Борнгольм Карамзин не ступал в «Письмах», в которых доказать реальность дела невозможно).

«Афинская жизнь» отразила характер воображения автора в путешествиях в мир древних Афин. В реальную основу композиции повести легли трагическая реальность и противопоставление идеального мира. Следовательно, что в древнем мире выбраны Афины, а не отчизна гражданственности героизма – Рим. В Афинах жители «езде и во всем искали (...) наслаждения, искали с жаром страсти, с живейшим чувством потребности, как любовник ищет свою любовницу – и жизнь была так сказать, самую цветущей Поэзией [Погодин]. Высшая цель - превращение жизни в поэзию .

Посвящены тому же и другие повести. Поэзия в искусстве подобно любви в жизни. Любовь беззаконна, как поэзия, и не имеет правил. Брат любит сестру, покинутый любовник на свадьбе неверной убивает себя. Мир страстей, любви и счастья, как и мир поэзии, призрачен. Повесть начинается словами: «...завертываюсь в пурпуровую мантию (разумеется, в воображении) – покрываю голову большую, распущенною шляпою, и выступаю, в Альцибиадовских башмаках, ровным шагом, с философскою важностью – на древнюю Афинскую площадь».

Завершается описание разоблачением заблуждения. При этом сельское уединение, которое теперь противопоставляется не городу современному, а само воплощает современность и реальность в антитезе древности и мечте, из идиллической превращается в трагическую: «О друзья! Все проходит, все исчезает! Где Афины? Где жилище Гиппиево? Где храм наслаждения? Где моя Греческая мантия?- Мечта! Мечта! Я сижу один в сельском кабинете своем, в худом шлафроке, и не вижу перед собою ничего, кроме догорающей

свечки, измаранного листа бумаги и Гамбургских газет, которые завтра поутру (а не прежде: ибо я хочу спать нынешнюю ночь покойным сном) известят меня об ужасном безумстве наших просвещенных современников» [Карамзин 1985:434]

Повесть Карамзина, рассказывающая о прошлом, вся обращена в настоящее. Автор пробуждается от грез и видит себя, сидящим в своем кабинете перед кипой гамбургских газет. Они известят его «об ужасном безумстве наших просвещенных современников». Повесть содержала важные выводы, что жизнь людей, посвятивших себя служению на благо человечества, по большей части трагична, но не проходит даром; добро, посеянное ими, дает всходы; а зло не может окончательно восторжествовать, безумие современников не может быть вечным. Таким образом, уже в «Афинской повести» намечался выход из состояния душевного смятения, которое охватило Карамзина с 1793 года.

§3. Собственная художественная система Н.М.Карамзина

В настоящее время нельзя представить не только, нашу литературу, но и русскую историю, критику, философскую мысль, без известного имени - Карамзина. Его творчество продолжалась более 40 лет. За этот период писатель прошел путь от ранних переводов до известных историко-политических размышлений «Записки о древней и новой России», и «Истории государства Российского», которую А.С.Пушкин назвал «подвигом честного человека». Подлинным открытием для всей русской литературы стало все созданное творчество Карамзина.

Карамзин оставил русской культуре щедрый дар – это и изображение «жизни сердца» в его лирических произведениях, итоги развития многовековой истории и культуры Европы в «Письмах русского путешественника», проложив путь русскому классическому роману XIX столетия.

Личность Карамзина для читающих – это человек, судьба которого загадочна не только для исследователей направлений европейской мысли не

только XVIII века, но и всего Нового времени. Из всего разнообразия творчества Карамзина вспоминается сюжетная схема повести «Бедной Лизы».

Потеряв культуру той России, мы начинаем осознавать, как нам необходимы открытость, внутреннее спокойствие и уравновешенность, которые определили внутренний мир души Карамзина.

Именно это, спустя многие десятилетия, писал в своей статье В.Э.Вацура «Карамзин возвращается». Именно возвращение Карамзина дает нам подробное представление о русском сентиментализме, о литературе рубежа XVIII – XIX вв., о героях и сюжетах известных повестей писателя.

Творчество Карамзина вызвало противоречивые суждения и споры практически с первых дней публикаций писателя. Не прекращаются они и в настоящее время. История изучения наследия Карамзина (как и творчества других писателей-классиков) сама по себе уже стала неотъемлемой частью русской культуры. Таким образом, прежде чем говорить о творческом вкладе Карамзина в нашу литературу и культуру, необходимо обзорно представить всю разнообразную мозаику оценок, которая сложилась за годы читательского интереса к произведениям писателя.

На раннем этапе знакомства с ними, в 1790-е годы, ситуация вокруг Карамзина оказалась поистине парадоксальной. С одной стороны, необыкновенно активный читательский интерес, который завоевал Карамзин, однако этот интерес зачастую сопровождался столь же бурным и эмоциональным неприятием. Бывшие друзья Карамзина из кружка московских масонов в переписке строго осуждали молодого писателя за «дерзость» творить самостоятельно, не полагаясь на руководство тех, кто некогда считался его «братьями» [Барсков].

В некоторых журналах появлялись сатирические «портреты» Карамзина в виде чувствительного автора, где писатель отвергает общепринятые правила. Поскольку не имеет должного образования не знает их понятия, не подражает древним, так как не способен уважать чужое

дарование. Таким нам предстает писатель новой школы сентиментализма в сатирической статье И.А. Крылова «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей» [Крылов 1945:384].

В своих высказываниях П.И. Голенищев - Кутузов обвинял Карамзина-писателя не только в недостаточной образованности, высокомерии и авторском самомнении, но и прямо в развращенности нрава, безбожии и вредном влиянии на читателя. Таким предстает Карамзин в полемическом стихотворении «Ода в честь моему другу» (1799) [Буранка 2007:304]; высказанные в стихотворении упреки в адрес Карамзина Голенищев-Кутузов позднее повторил в письме к министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому (1810): «Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. <...> Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь» [Сапченко 2006:491].

Критические оценки давали и первые иностранные рецензенты Карамзина, ознакомившиеся с переводами «Писем русского путешественника» на английский и немецкий языки – переводами неполными и не отражавшими всего содержательного богатства, и тем более художественного своеобразия этой книги [Арзуманова].

Принимая критику и осуждение Карамзин был вынужден выступить в журнале «Spectateur du Nord» («Северный зритель», выходил в Петербурге на французском языке и предназначался в первую очередь для иностранцев, стремящихся лучше узнать культуру России) с анонимной статьей о русской литературе и под видом «разбора» «Писем русского путешественника» объяснить те творческие принципы, которым следовал в своей работе [Карамзин 1987:449].

В начале XIX века споры вокруг произведений Карамзина все более разгорались. Импульсом для их обострения стала публикация брошюры А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), и особенно его следующей работы – «Рассуждение о красноречии Священного Писания» (1810). Шишков и его сторонники (получившие прозвище

«шишковистов») обвиняли Карамзина в подражательности и в том, что в основе «нового слога» лежит не церковнославянская традиция, а «средний стиль», разговорный язык образованного общества.

Объектом критики Шишкова был не только сам Карамзин, но и писатели-карамзинисты, последователи его литературной манеры – И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и др. Из их среды и вышли первые литературно-критические статьи и заметки в поддержку творческих принципов Карамзина. «Карамзин открыл тайну в прямом значении – ясности, изящества и точности» [Жуковский 2006: 37], – утверждение этой истины одушевляло сторонников писателя в период полемики о старом и новом слоге русского языка.

Новый спор вокруг творчества Карамзина разгорелся в 1818 году, когда вышел в свет первый восьмьтомник «Истории государства Российского». Широкий читательский интерес к этой книге (по свидетельствам современников, тираж в три тысячи экземпляров разошелся всего за месяц) вновь сочетался с разнообразными критическими выступлениями против исторической концепции Карамзина (Каченовский), его политических взглядов (Орлов, Тургенев, Муравьев), даже стиля писателя [Козлов 1989:65].

Смерть Карамзина в 1826 году не вызвала в обществе никакого резонанса. 10 июля 1826 году А.С. Пушкин писал П.А. Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» [Пушкин 1985:286]. Почти сразу же после смерти писателя его друзья – Жуковский, Вяземский, Пушкин – начинают думать о создании его биографии. Так, Пушкин считал, что написать такой труд следовало бы Вяземскому – с 15 лет, росший на руках Карамзина (тот в 1804 г. женился на сводной сестре Вяземского), он как никто знал и обстоятельства жизни, и характер своего старшего наставника.

Однако память о Карамзине оказалась для Вяземского слишком личным

душевным переживанием; он так и не смог написать биографию, хотя в записных книжках, которые Вяземский писал всю жизнь как своеобразный историко-культурный и историко-литературный труд, имеющий мозаичную композицию, довольно много ценных сведений и о жизни, и о характере Карамзина, и главное – о том великом значении, которое имел для России свет его «...прекрасной, ясной души, исполненной веры в Провидение» [Вяземский 1984:82].

Высокую значимую оценку о значении творчества Карамзина в соих статьях и заметках дал Пушкин. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, А.А. Григорьев, К.С. Аксаков, П.А. Плетнев в своих печатных выступлениях утверждали мысль о великом значении художественного наследия творчества Карамзина, о том, как велика память о нем для современной русской культуры. В противовес им вновь звучали голоса критиков Карамзина, отказывавших произведениям писателя в возможности быть интересными для сегодняшнего читателя, в оригинальности и самобытности (Н.А. Добролюбов, В.Н. Майков, А.М. Скабичевский и др.).

В честь столетия со дня рождения писателя Н.М.Погодин в 1866 году создал первый биографический труд о жизни и творчестве Карамзина, в котором писал: «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников » [Погодин 1984:45]. Столетию со дня рождения писателя была приурочена публикация неизданных ранее сочинений и писем Карамзина и большого труда – «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву », подготовленного к печати видным представителем культурно-исторической школы в литературоведении Я.К. Гротом [Карамзин 1987: 342].

Эти труды отвечали общему пафосу юбилейных торжеств 1866 г. – своеобразного нового открытия Карамзина для России, которая обретает в нем живую нравственную опору посреди тяжелых исторических испытаний. Эту мысль глубоко выразил Ф.И. Тютчев в стихотворении, прочитанном 3 декабря 1866 г. на вечере памяти Карамзина в Обществе пособия

нуждающимся литераторам и ученым:

Мы скажем – будь нам путеводной,
 Будь вдохновительной звездой,
 Свети в наш сумрак роковой,
 Дух целомудренно-свободный<...>
 Умевший, не сгибая выи
 Пред обаянием венца
 Царю быть другом до конца
 И верноподданным России [Тютчев 2003:166].

В конце XIX – начале XX в. начинается новый этап изучения карамзинского наследия. В центре внимания ученых оказались вопросы биографии писателя, историко-литературного значения его прозы, и проблемы художественной формы, поэтики карамзинских текстов, открытия писателя в области литературного языка и стиля. Начало этому подходу положил фундаментальный труд Сиповского «Н.М.Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» (СПб., 1899), в котором «Письма...» впервые рассматривались не как реальный жизненный документ, источник сведений о биографии Карамзина (как, например, оценивал их ранее М.П. Погодин), но как художественный текст, строящийся по своим законам. На фоне литературы и истории Сиповский конкретно изучал историю создания «Писем...», а также рассматривал источники литературных влияний, которые испытывал Карамзин, работая над ними. Анализируя различные редакции, исследователь сделал выводы об индивидуализированных особенностях творческой эволюции Карамзина-писателя. Книга В.В. Сиповского легла а основу исследования карамзинского творчества и не потеряла своего значения и в наши дни.

Представители формальной школы русского литературоведения внесли свой вклад в изучение поэтики Карамзина в 1910 – начале 1920-х годов . Основные направления для таких исследований карамзинского творчества

определил Б.М. Эйхенбаум в программной статье «Карамзин» (1916) . Интерес формалистов к наследию Карамзина был связан в первую очередь со смелыми экспериментами в области художественной формы, которые в свое время столь часто приводили к неприятию карамзинского творчества современниками. Это чрезвычайно живое начало в произведениях писателя стало главной задачей в науке литературы: «Мы еще не вчитались в Карамзина, потому что неправильно читали. Искали буквы, а не духа. А дух реет в нем, потому что он, “платя дань веку, вторил и для вечности» [Эйхенбаум 1986:201]. Над решением этой задачи трудились ученики и единомышленники Эйхенбаума – в сборнике «Русская проза», подготовленном под его редакцией, появились две статьи, представлявшие наиболее значительные и плодотворные жанровые формы, созданные Карамзиным для русской литературы, – путешествие и повесть [Скипина 1965: 49].

Новый всплеск интереса к творчеству Карамзина приходится на начало 1960-х годов XX века. В это время публикуется ряд произведений писателя, что позволило начать его «возвращение» к читателям не только как чувствительного автора «Бедной Лизы», но и серьезного политического мыслителя, литературного критика, яркого и оригинального художника слова.

Это было двухтомное издание избранных сочинений писателя, подготовленное к печати П.Н. Берковым и Г.П. Макогоненко, и полное собрание стихотворений , изданное Ю.М. Лотманом ; несколько позднее Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским и Н.А. Марченко было подготовлено и академическое издание «Писем русского путешественника» [Карамзин 1987: 284].

С этого времени и до современности Карамзин становится предметом серьезных многосторонних историко-литературных штудий. В трудах П.А. Орлова, Г.П. Макогоненко, Ф.З. Кануновой, Л.Г. Кислягиной, В.В. Виноградова, В.И. Федорова, Е. Осетрова, Н.Я. Эйдельмана, Ю.М. Лотмана,

В.Н. Топорова, В.Э. Вацура, И.З. Сермана, Н.Д. Кочетковой, Л.А. Сапченко и многих других ученых. Художественное и историческое наследие Карамзина, его биография и творческое общение с современниками, влияние карамзинского наследия на писателей XIX – XX вв. и целый ряд других трудных вопросов становятся предметом научного интереса. Произведения Карамзина привлекают внимание и зарубежных ученых – Ханса Роте, Энтони Кросса и др.

Необыкновенно живое, изменчивое, рожденное духом смелого творческого поиска, наследие Карамзина никогда не разочарует, обратившихся к нему в поисках тайн и загадок, размышления над которыми помогут лучше понять не только художественный мир и эпоху самого писателя, но и мир вокруг нас, не только жизнь души карамзинских героев, но и нашу собственную душу.

Именно поэтому столь справедливы по отношению к карамзинскому наследию слова Д.С. Лихачева: «Предстоит еще многое узнать о той роли, которую играл Карамзин в истории русской культуры. Но уже сейчас видно, что она была исключительно велика и благородна. Благородство – именно та черта, которая свойственна деятельности Карамзина во всех сферах и его убеждениям. Редкий человек прожил свою жизнь с таким достоинством, как это сделал Карамзин» [Лихачев 2006: 530].

Глава II. ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Н.М.КАРАМЗИНА

§1. Публицистико–философский аспект в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина

С 1791 года в «Московском журнале» Карамзин фрагментами начинает публиковать «Письма русского путешественника» - главное произведение 1790-х годов. В 1797-1801годах «Письма русского путешественника» вышли первым отдельным изданием. В основу «Писем» легло реальное путешествие

Карамзина, которое он совершил по странам Западной Европы (Германия, Швейцария, Франция и Англия) с мая 1789 по сентябрь 1790 года. Даты «Писем», по-видимому, не соответствуют действительной хронологии путешествия Карамзина.

На страницах произведения неоднократно упоминаются «Письма об Италии» Шарля Дюпати - образец географического путешествия XVIII века, что позволяет сделать вывод, о том, что «Письма русского путешественника» были написаны не без влияния произведения Дюпати. Дюпати был для Карамзина определенной точкой отсчета в поисках формы повествования и аспекта миромоделирования, об этом говорит сама эпистолярная форма карамзинского путешествия. Ю. М. Лотман в европейский литературный контекст произведений ввел еще два образца этого жанра: «Философские (Английские) письма» Вольтера и роман Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию», с которыми карамзинские «Письма» с эстетической точки зрения соотносимы. «Оба текста связывали путешествие с поисками идеалов истинного просвещения, образа искателя мудрости, оба были проникнуты верой в прогресс цивилизации» [Лотман, Успенский 1984:577]. Эти два образца жанра путешествия делают акцент на жанровый оттенок воспитательного романа и их философско-публицистический аспект. «Письма...» Карамзина ориентированы на эти произведения.

За полтора года своего пребывания за границей Карамзин видел множество европейских городов: Лозанну, Берн, Женеву, Кенигсберг, Берлин, Страсбург, Париж, Лондон, Лейпциг; посетил достопримечательные места, овеянные воспоминаниями живших там великих людей (фернейский замок Вольтера, Эрменонвиль – последнее пристанище Ж.-Ж. Руссо и т. д.), трактир в городе Кале, в котором останавливался Йорик, персонаж «Сентиментального путешествия» Стерна и т.д.); осмотрел крупнейшие европейские музеи; совершал восхождения на швейцарские Альпы, любовался Гриндельвальдскими глетчерами и Рейнским водопадом в

Рейхенбахе, совершил паломничество по следам литературных героев (Вевер – Кларан – Мельери, место действия романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза», познакомился со многими знаменитыми учеными, философами, европейскими современниками-писателями.

На первый взгляд, приоритетную позицию в «Письмах...» занимают фактические сведения, но все-таки не они ценный фактор произведения. Лейтмотивный повествовательный сюжет «Писем...»: ненавязчивое, но неуклонное стремление Карамзина к фиксации неразрывной связи между внешней жизнью объективного мира, воспринимаемого и переживаемого душой и внутренней жизнью чувствительной души, главное свидетельство этого. На протяжении всего произведения обнаруживается закономерная интонационная связь эмоционального состояния души путешественника с очерковыми зарисовками. Эмоциональное состояние души путешественника является мотивирующей причиной очеркового описания. Таким образом, складывается второй повествовательный пласт «Писем...»: фиксация состояний и эмоционально-психологических движений чувствительной души, реализация основополагающего эстетического постулата такого направления как сентиментализм.

Такие размышления, предшествующие описанию развалин древнеримского акведука в окрестностях города Лиона и монумента на могиле Ж.-Ж. Руссо, действительно являются бесспорными свидетельствами того, что в отборе фактов реальности автор «Писем...» руководствовался прежде всего эмоциональным движением чувствительной души, которое направляло внимание путешественника на тот или иной объект. Такая причинно-следственная связь жизни души с пластическим реальным миром явно проявлена в парижских письмах так как что Франция и Париж изначально были основной страстной целью русского путешественника:

«Вот он, – думал я, – вот город, <...> которого имя стало мне известно почти вместе с моим именем; о котором так много читал я в

романах, так много слышал от путешественников, так много мечтал и думал!..» (Карамзин 1985: 366–367). *«Я в Париже!»* Эта мысль производит в душе моей какое-то особое, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... *«Я в Париже!»* – говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские <...>» (Карамзин 1985: 369).

Универсальный композиционный прием «Писем...» – бессвязные переходы от одного аспекта мировосприятия к другому – приобретают адекватное эстетическое истолкование тогда, когда читатель осознает что видимо бессвязная композиция «Писем..», на самом деле является формально-структурным средством выражения разнообразной, сложной, и в большинстве случаев неизъяснимой жизни души человека.

При всей актуальности публицистико-философского аспекта повествования для всего текста «Писем...» центром тяжести является парижские письма. Поразительная концептуальная близость социологической теории прогресса двух авторов крупнейших образцов русской сентименталистской повествовательной прозы – Карамзина и Радищева бросается в глаза при попытке реконструкции социологических взглядов Карамзина исходя из текста «Писем...». Упоминание имени Радищева в той мере, в какой Карамзин мог это сделать после политического процесса писателя, вместе с именем А.М. Кутузова – человека, которому посвящены два радищевских произведения и с которым сам Карамзин находился в тесных дружеских отношениях не случайно.

В Лейпциге путешественник знакомится с преподавателем Радищева и Кутузова в годы их обучения в Лейпцигском университете, философом и антропологом Платнером: *«Он помнит К*, Р* и других русских, которые здесь учились»* (Карамзин 1985:163). Косвенное упоминание имени становится своеобразной начальной ступенью к развитию социологической концепции, не признающей социальное насилие как путь преобразования пусть даже не основанного на справедливости, социального устройства. Сложно не увидеть в этой мысли карамзинского путешественника по

цивилизированной Западной Европе отблеска похожей мысли радищевского путешественника по самодержавной варварской России: *«Но чем народ просвещеннее, то есть чем более особенников в просвещении, тем внешность менее действовать может»* (Карамзин 1985:128).

И, конечно же, вовсе не случайно путешественник отмечает в Англии и Швейцарии увлеченность людей чтением, книги и журналы в руках людей, которые принадлежат к тому сословию, принадлежность к которому в России часто исключала даже возможность элементарной грамотности: трактирных слуг и кучеров, городских ремесленников, поселян и т.д. Увиденную путешественником социальную идиллию в европейских республиках, он напрямую связывает с экстенсивным расширением орбиты просвещенности у демократических слоев населения, с «успехами разума просвещения».

Так же трудно не увидеть и поразительного единогласия Карамзина с Радищевым в вопросе о характере и природе коллективной и индивидуальной тирании, в ответе на который оба писателя не делают никакого принципиального различия между коллективным тираном – революционным народом и единодержавным тираном-монархом. Обе формы тирании в равной мере губительны для той социальной категории, которая является опорным пунктом мысли каждого из двух писателей – одной отдельно взятой личности и ее естественных прав.

Единственное различие заключается в ее объеме в масштабах всего произведения в целом и в формах выражения этой мысли. Карамзин, связанный цензурными условиями последних лет царствования Екатерины II, не мог поступить иначе, как выразить ее в форме иносказательно-бытовой аллегории. *«Какая-то старушка подралась на улице с каким-то стариком: пономарь вступился за женщину; старик выхватил из кармана пистолет и хотел застрелить пономаря, но люди, идущие по улице, бросились на него, обезоружили и повели его... a la lauteme [на виселицу]»* (Карамзин 1985: 360). Радищев, пишущий заведомо бесцензурную книгу, позволял себе прямое декларативное высказывание.

Главное же различие между двумя путешественниками заключается в их духовной зрелости: хотя по возрасту они ровесники, но по страницам книги путешествует любознательный, милый, но довольно легкомысленный молодой человек, с живыми, но поверхностными интересами. Сам же Карамзин в эту пору был уже много передумавшим и перечитавшим человеком, проявлявшим важнейшую черту духовной зрелости – самостоятельность суждений и интересов [Лотман 1987:31]. Из-под неплотно прилегающей к его лицу маски литературного героя, время от времени выглядывает духовно зрелый Карамзин. Стилизуя литературную позу путешественника как позу юного искателя мудрости в кругу европейских деятелей культуры и ученых Карамзин совсем не скупой наделил героя своей собственной эрудицией и энциклопедической образованностью, побуждая его стремиться поразить собеседников обширностью и глубиной познаний, а не наивностью и простодушием [Лотман, Успенский 1984:527].

Герой-путешественник – это отвлеченный от реального эмпирического человека его собственный художественный образ, подобный тому, какой Пушкин создал в своем романе «Евгений Онегин», поместив свой собственный художественный образ среди выдуманных героев романа и связав себя с ними узами приятельства и знакомства. Приближенный к личности своего создателя и индивидуализированный почти до последнего предела возможности, образ героя-путешественника – это тоже своеобразная лабораторная модель, как и образ путешественника в книге Радищева, только создана эта модель с другой целью.

Если Радищев хотел через своего героя показать всем читателям своей книги уже пройденный автором путь освобождения и самопознания, то Карамзин провел своего индивидуализированного героя по собственному европейскому маршруту с целью познать и создать самого себя и создал свой собственный художественный образ.

§2. Поэтика и эстетика сентиментализма в повести «Бедная Лиза»

В 1792 году в «Московском журнале» Карамзин публикует повесть «Бедная Лиза», которая принесла писателю истинную литературную славу. Его повесть для русской художественной прозы явилось принципиальным новаторством и литературным потрясением. Показателем этого стала волна подражаний, захлестнувшая русскую литературу на рубеже XVIII–XIX вв. За короткий промежуток времени появляются повести, варьирующие карамзинский сюжет: «Даша, деревенская девушка» П. Львова, «Бедная Маша» А. Измайлова, «Прекрасная Татьяна» В. Измайлова, «Обольщенная Генриетта» И. Свечинского, «Несчастливая Маргарита» неизвестного автора, «История бедной Марьи» Н. Брусилова и т.д.

Это было веским доказательством переворота, совершенного повестью Карамзина «Бедная Лиза» в литературе и читательском сознании. Литературный сюжет повести воспринимался русским читателем как сюжет жизненно правдивый и реальный, а ее герои – как реально существующие люди. После публикации этого произведения вошли в моду прогулки к пруду, в который героиня бросилась, и который получил название «Лизина пруда», в окрестности Симонова монастыря, где Карамзин поселил свою героиню. Как точно заметил В. Н. Топоров, определяя место карамзинской повести в эволюционном ряду русской литературы, «впервые в русской литературе художественная проза создала такой образ подлинной жизни, который воспринимался как более сильный, острый и убедительный, чем сама жизнь» [Топоров 1995:83].

В основу повести «Бедная Лиза» положен классический сентименталистский сюжет о любви представителей разных сословий. Ее герои – крестьянка Лиза и дворянин Эраст – не могут быть счастливы не только из-за нравственных причин, но и по социальным условиям жизни. Глубокий социальный корень сюжета представлен в повести Карамзина как нравственный конфликт Эраста – *«довольно богатого дворянина с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным»*

(Карамзин 1985:610) и «прекрасной душою и телом» Лизы. Карамзин первым из русских писателей, обращавшихся к теме неравной любви, позволил себе развязать свою повесть так, как подобный конфликт скорее всего разрешился бы в реальных условиях русской жизни: гибелью героини. Это было одной из причин потрясения, произведенного повестью Карамзина в литературе и читательском сознании, было то, что

Но новшества литературной манеры Карамзина на этом не заканчиваются. Манера повествования, сам образный строй повести, угол зрения, под которым автор заставляет своих читателей смотреть на повествуемый им сюжет, отмечены печатью блестящего литературного новаторства. Произведение «Бедная Лиза» начинается со своеобразной музыкальной интродукции – описания окрестностей Симонова монастыря, сопряженных в ассоциативной памяти автора-повествователя с «воспоминанием о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы» (Карамзин 1985: 606).

«Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей <...>: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах <...>. Внизу расстилаются тучные, густозеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые <...> наделяют алчную Москву хлебом. <...>

Там, опершись на развалины гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. <...> Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в любых своих бедствиях» (Карамзин 1985: 605–606).

Еще до начала развития сюжета, в эмоционально-насыщенном пейзаже четко определены темы главных героев повести – тема Лизы, связанная крепкой ассоциативной связью с жизнью прекрасной естественной природы, описанной при помощи эпитетов «цветущие», «светлая», «легкие», тема Эраста, чей образ неразрывно связан с «ужасной громадой домов» «алчной» Москвы, сияющей «златом куполов», и тема автора, чье пространство имеет не географический или физический, а духовно-эмоциональный характер: автор выступает в роли историка, летописца жизни своих героев и хранителя памяти о них.

С голосом автора в частный сюжет повести вводится тема большой истории отечества – и история одной любви и души оказывается ей равновелика: «человеческую душу, любовь Карамзин мотивировал исторически и таким образом самым ввел в историю» [Торопов 1995: 100]. Это сопоставление двух абсолютно разных и мыслившихся до того несопоставимыми контекстами – исторического и частного – делает повесть «Бедная Лиза» основополагающим литературным фактом, на базе которого впоследствии появляется русский социально-психологический роман [Лермонтов 1981:221].

В развитии сюжета эмоциональные лейтмотивы, которые были намечены во вступлении, получают свое образное воплощение, заменяющее в авторском повествовании явные нравственные оценки и декларации.

Образу Лизы неизменно сопутствует мотив свежести, чистоты и белизны: при первом появлении Эраста под окнами Лизиной хижины она поит его молоком, наливая его из «чистой кринки, покрытой чистым деревянным кружком» в стакан, вытертый белым полотенцем» (Карамзин 1985: 609); в день своей первой встречи с Эрастом она появляется в Москве с ландышами в руках; после объяснения в любви Лизе кажется, что «никогда солнце так светло не сияло» (Карамзин 1985: 613), а при последующих свиданиях «тихая луна <...> посеребрила лучами своими светлые Лизины волосы» (Карамзин 1985: 163). в утро приезда Эраста на первое свидание

Лиза, *«подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе»* (Карамзин 1985: 611).

П. А. Орлов точно определил лейтмотив, который сопутствует образу Эраста: «деньги, которые в сентиментальной литературе всегда вызвали настороженное, подозрительное и даже осудительное отношение» [Орлов 1977:213]. Действительно, каждое появление Эраста на страницах произведения так или иначе связано с деньгами: покупая Лизину работу, он хочет *«всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены»* (Карамзин 1985: 604); при первой встрече с Лизой он изъявляет желание заплатить ей за ландыши рубль вместо пяти копеек; перед уходом на войну *«он принудил ее взять у него несколько денег»* (Карамзин 1985: 617); в армии он *«вместо того, чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение»*, из-за чего вынужден жениться на *«пожилой богатой вдове»* (Карамзин 1985: 619), а Лиза, отказывается ради Эраста *«сыну богатого крестьянина»* (Карамзин 1985: 615). Перед тем, как выгнать ее из своего дома, при последней встрече с Лизой, Эраст кладет ей в карман сто рублей (Карамзин 1985: 619).

Очевидно, что смысловые лейтмотивы, заданные в пейзажных зарисовках авторской интродукции, реализуются в повествовании системой синонимичных им образов: цветущие луга и светлая река подмосковной природы – мотивы цветов; белизны и чистоты, окружающие образ Лизы, злато куполов алчной Москвы – мотив денег, сопровождающий Эраста. Дополнительный аспект психологизации повествования и антропологическое поле параллелизма жизни души и жизни природы экстенсивно распространяется на всю образную систему повести описанием жизни природы.

Вся история любви Лизы и Эраста погружена в картину жизни природы, которая меняется соответственно стадиям развития любовного чувства. Самые явные примеры такого соответствия эмоциональной наполненности пейзажной зарисовки семантическому наполнению того или

иного сюжетного поворота дают меланхолический осенний пейзаж вступления, что предвещает общую трагическую развязку повести, картина устрашающей ночной грозы, сопровождающая начало трагического перелома в судьбе героини картина ясного, росистого майского утра, в которое происходит объяснение в любви Лизы и Эраста. Так «пейзаж из подсобного приема с «рамочными» функциями, из «чистого» украшения и внешнего атрибута текста превратился в органическую часть художественной конструкции, реализующей общий замысел повести», стал средством продуцирования читательской эмоции, обрел «соотнесенность с внутренним миром человека как некое зеркало души» [Торопов 1995:118].

Все эти повествовательные приемы, расставляющие нравственные акценты сюжета и окрашивающие повесть в тона живой человеческой эмоции безупречно художественным способом, без малейшего признака прямой декларативной оценки, заставляют более внимательно присмотреться к образу автора-повествователя, рассказчика, чьей прямой речью изложена история бедной Лизы, услышанная им некогда от Эраста.

Эстетический центр всей повествовательной структуры, к которому стягиваются все ее смысловые и формальные уровни – это образ автора-повествователя, включенный в образную структуру повести на правах ее полноценного героя и действующего (говорящего) лица, так как автор-повествователь – это единственный посредник между читателем и жизнью героев, воплощенной его словом. Основной генератор эмоционального тона повести, создаваемого авторским переживанием судеб героев как своей собственной, и проводник, по которому эмоция передается читателю – это образ повествователя в «Бедной Лизе».

Вовсе не случайно то, что «введение рассказчика в художественный текст индуцировало и появление читателя как особой значимой категории» [Торопов 1995:88]. Постоянное присутствие автора напоминает о себе периодическими обращениями его к читателю: «*Теперь читатель должен знать...*» (Карамзин 1985: 610); «*Читатель легко может вообразить себе...*»

(Карамзин 1985: 618), повествование ведется от первого лица. Такие формулы обращения, которые подчеркивают интимность эмоционального контакта между автором, читателем и героями напоминают аналогичные приемы организации повествования в других эпических жанрах русской поэзии (ср. в поэме И. Ф. Богдановича «Душенька»: «Читатель должен знать сначала...»; «Читатель сам себе представит то умом...»). Карамзин, добился того, что проза приобрела проникновенное лирическое звучание и начала восприниматься так же эмоционально, как поэзия, перенося эти формулы в повествовательную прозу.

В своем эстетическом единстве три центральных образа повести – бедная Лиза, Эраст и автор-рассказчик – с невиданной для русской литературы полнотой реализовали сентименталистскую концепцию личности, ценной своими внесловными нравственными достоинствами, сложной и чувствительной. Каждый герой обладает всей полнотой этих признаков, но имеет и свою собственную доминирующую направленность.

Автор–рассказчик является основным носителем категории чувствительности. Идея внесловной ценности человеческой личности, - и, что примечательно, именно с этой идеей связан единственный случай прямой авторской декларации в повести – *«ибо и крестьянки любить умеют!»* (Карамзин 1985: 607) соединяется с образом бедной Лизы.

Наконец, Эраст является воплощением противоречивости и сложности человеческой природы в сочетании своих субъективных качеств (*«добрый от природы, но слабый и ветреный»*), объективной невинности поскольку он, так же, как и Лиза, является жертвой обстоятельств, не дающих из сложившейся ситуации никакого выхода кроме трагедии и объективной вины перед Лизой. Такое последовательное воплощение сентиментальной идеологии в безупречно художественной форме и новаторской поэтике сделало повесть Карамзина «Бедная Лиза» не только эстетическим манифестом русского сентиментализма [Канунова 1967:44-45], но и подлинной родиной русской художественной прозы.

§ 3. Эволюция жанра исторической повести в творчестве

Н.М.Карамзина

Развивая, намеченную в интродукции к повести «Бедная Лиза» параллель между историей души и историей отечества, сам Карамзин называл свои чувствительные повести «летописями человеческого сердца» (Карамзин 1985: 640). Поэтому далеко не случайно то, что в последующих произведениях будущий летописец государства Российского обращается к историческим темам: собственно, уже и повесть «Бедная Лиза», повесть о ближайшей Карамзину современной действительности, была написана с позиций историка.

Своеобразной диалогической парой повести о современности явилась историческая повесть «Наталья, боярская дочь», действие которой отнесено к XVII в., периоду царствования отца Петра I, царя Алексея Михайловича, опубликованная в «Московском журнале» за 1792 г., но пропорция категорий истории и современности диаметрально противоположна их пропорции в повести «Бедная Лиза».

В авторском начале повести «Бедная Лиза», связывающем историю любви героини с трагической историей отечества возникает мотив чуда: *«Иногда на вратах храма рассматриваю изображения чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества «<...>»* (Карамзин 1985: 606).

Чудо, которое может произойти в истории, не может произойти в авторской современности, к которой приурочено действие «Бедной Лизы»: *«Ах! для чего пишу не роман, а печальную бль?»* (Карамзин 1985: 619). Поэтому авторское обращение к истории отечества в повести «Наталья, боярская дочь», в которой счастливо и идиллически развивается такой же сюжет о неравной любви, чудесным образом преодолевающей сословные препятствия, в поисках чуда целесообразно.

Реально-исторический сюжет, действительно чудесного характера: «второй брак царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, воспитанницей боярина Матвеева» [Старчевский 2016 :91] лег в основу вымышленного сюжета повести «Наталья, боярская дочь». Это был исключительный в истории случай династически неравного брака простой дворянки и царя– такого же неравного, каким в частной жизни мог быть брак крестьянки и дворянина.

Карамзин сохранил подлинные исторические имена героев, Наталья и Алексей, и, перенеся эту историческую ситуацию чуда в частную жизнь, как показал П. А. Орлов, разделил факты биографии боярина Артемона Матвеева между двумя героями: «Первая, благополучная часть его жизни служит материалом для создания образа отца Натальи – боярина Матвея Андреева. История опалы и ссылки А. С. Матвеева вместе с малолетним сыном Андреем связана в произведении с судьбой Любославского и его сына Алексея» [Орлов 1977: 223-224].

На этом историзм повести Карамзина в современной трактовке этого понятия заканчивается так как историческое прошлое в «Наталье, боярской дочери» интересует Карамзина как художника, ищущего свой эстетический идеал. Чудо счастливой любви Алексея Любославского, сына поневольного вельможи, умершего в ссылке с пожизненным клеймом изменника и Натальи, дочери царского советника, подобно тем историческим чудесам, изображенным на вратах храма Симонова монастыря, а повести «Наталья, боярская дочь» и «Бедная Лиза» соотнесены между собою так, как «печальная быль» и подлинная история соотносится в сознании автора-повествователя с «романом», подобным чуду, изредка происходящему в истории.

Поэтику исторической повести в двух критериях предопределила жизнь сердца, равно занимающая автора-повествователя в современности и истории. Исторический колорит повествования, во-первых, вовлекающий в него бытописательные мотивы одежды, образа жизни, оружия XVII в.,

выполняет эстетическую функцию – поскольку в окружении этого исторического антуража стало возможно осуществление эстетического идеала автора. *«Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своєю походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили как думали? По крайней мере я люблю сии времена; люблю <...> под сению давно истлевших вязов искать брадатых моих предков <...> и с нежностью целовать ручки у моих прабабушек, которые не могут <...> надивиться моему разуму, потому что я, рассуждая с ними о старых и новых модах, всегда отдаю преимущество их подкапкам и шубейкам перед нынешними <...> галло-албионскими нарядами, блистающими на московских красавицах в конце осьмого-надесять века»* (Карамзин 1985: 622).

Проявления авторской эмоциональной интерпретации сюжета способствует исторический колорит повествования – это обуславливает второй характерный признак поэтики повествования в исторической повести: постоянное сопоставление истории и современности в авторской прямой речи. Индивидуализированный рассказчик «Натальи, боярской дочери», улетевший на крыльях своего воображения в патриархальную идиллию русской истории XVII в., ни на секунду не забывает двух вещей: во-первых, того, что сам он – человек «конца осьмого-надесять века», а во-вторых, того, что пишет он не печальную быль, а роман. Здесь сталкиваются исторический и современный способ мировосприятия и рождающаяся на стыке этих повествовательных пластов легкая ирония авторской манеры, резко отличающаяся от проникновенной эмоциональности сопереживающего и сочувствующего своим героям рассказчика «Бедной Лизы»: *«По крайней мере наша прелестная Наталья имела прелестную душу, была нежна, как горлица, невинна, как агнец, мила, как май месяц; одним словом, имела все свойства благовоспитанной девушки, хотя русские не читали тогда ни Локка «О воспитании», ни Руссова «Эмиля» – во-первых, для того, что сих*

авторов еще и на свете не было, а во-вторых, и потому, что худо знали грамоте, – не читали и воспитывали детей своих, как натура воспитывает травки и цветочки» <...> (Карамзин 1985: 626).

Карамзин использует исторический колорит повести не только чтобы воссоздать правдивую и точную картину русского быта и русских нравов конкретной исторической эпохи. Наоборот: воссоздаваемые в повести как бы исторические быт и нравы имеют утопический характер именно потому, что Карамзин выстраивает вокруг невероятной и чудесной, воистину романической любви с похищением, подвигами обоих героев на войне, уединенной жизнью в лесной хижине, возвращающими их под сень царской милости и родительского благословения, такой исторический контекст, в котором подобная история любви и души могла бы закономерно и естественно осуществиться. Иными словами, счастливая любовь Алексея и Натальи определяет своим чудесным осуществлением необходимость соответствующего исторического антуража.

В повести «Наталья, боярская дочь» антропологическое поле русской психологической прозы расширяется за счет исторического колорита повествования, имеющего психологическое и характерологическое идейное содержание, идеальная романическая история любви окружена не идеализированным, а идеальным историческим мирообразом, так же, как в «Бедной Лизе» это поле оказалось расширено за счет вовлечения пейзажного описания в сферу психологических мотивировок жизни души.

Повесть «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода», опубликованная в 1803 г. в карамзинском журнале «Вестник Европы», была написана через десять лет после «Натальи, боярской дочери». Это произведение ознаменовало изменение эстетических представлений Карамзина о жанре исторической повести прежде всего тем, что писатель счел нужным добавить ей жанровый подзаголовок «Историческая повесть», подчеркнув главенство категории историзма в этой новой жанровой модификации своей повествовательной прозы.

«Марфа-посадница» была написана в атмосфере либерального подъема, вызванного оптимистическим характером первых лет царствования Александра I, в новых исторических условиях. Это было время, в которое идеи сентиментализма были подняты на уровень героики [Мордовченко], и сентиментализм, выработавший целый ряд художественных приемов для изображения частного человека, был вынужден воспользоваться большим арсеналом классицистической поэтики для того, чтобы иметь возможность показать своего героя в контексте общественной жизни и высоких гражданских идеалов, которые ожили в эстетической реальности начала XIX в.

Обращаясь к русской истории, Карамзин в «Марфе-посаднице» изменяет типологию сюжета, создает эпизод из большой государственной истории отечества – последние дни и падение Новгородской республики, персонифицированной в лице его героини Марфы Борецкой, легендарной защитницы новгородской вольности, а не «летопись человеческого сердца». Двойная номинация заглавия выявляет эту связь исторического события («Покорение Новгорода») и деяний героини («Марфа-посадница»). С сентименталистской идеологией жанра, одну из последних повестей Карамзина, связывает личностный аспект воспроизведения исторических событий, но характер героини раскрывается в контексте ее общественных идеалов и гражданской позиции – и именно как художественная реализация этого аспекта выступают в повести элементы поэтики классицистической трагедии, привлеченные Карамзиным отчасти как художественный прием, отчасти как полемический материал, а не в плане «истории души».

Полемическое представление Карамзина о жизни человеческой души (понимаемой как единое целое сердца и разума) по отношению к классицистическому противопоставлению велений разума склонностям сердца просматривается уже и в повести «Наталья, боярская дочь», где повествователь показал, что именно любовь является той движущей силой,

которая возвращает героев в общество из руссоистской идиллии уединения на лоне природы.

Пламенное патриотическое чувство Алексея и воинская доблесть последовавшей за мужем в бой Натальи порождены их взаимной любовью, желанием Натальи вернуть подданного государю и Алексея вернуть дочь отцу. Таким образом, уже в «Наталье, боярской дочери» Карамзин нашел выход из классицистического тупика конфликтности страсти и разума. Но в повести «Марфа-посадница» эта полемичность выражена на другом уровне и выделена активным насыщением текста приемами, мотивами, ситуациями классицистической трагедии.

Исследователями давно замечена эта особенность поэтики «Марфы-посадницы» [Орлов 1977:248]. Карамзин обратился в поисках движущих сил истории, к привычным общественным страстям и расчетам, пафосу государственности и добровольному подавлению личностного начала во имя гражданского долга, не найдя их в жизни человеческого сердца. В этом усматриваются причины обращения Карамзина к поэтике классицизма. Все уровни поэтики повести захватывает система жанровых реминисценций, отсылающих читателя к устойчивой структуре классицистической трагедии. Повествование, подобно драматическому действию, начинается и продолжается в настоящем времени, создавая иллюзию сиюминутности осуществления происшествия в глазах читателя, уподобляющегося зрителю трагедии: *«Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на Великую площадь. Все спрашивают, никто не отвечает <...>. Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча. Иосиф Делийский, именитый гражданин <...> всходит на железные ступени, <...> смиренно кланяется народу и говорит ему» <...>* (Карамзин 1985: 682).

Речь князя Холмского, посланника московского князя Иоанна, уговаривающего новгородцев стать подданными Московского княжества, и

Марфы Борецкой, страстной поборницы древней новгородской вольности - два огромных драматизированных монолога, составляет почти целиком «Книгу первую» повести.

В повести нет авторского описания сражений и битв, рассказы о них вложены в уста вестников, все важнейшие события совершаются как бы за сценой. Большое количество повествовательных фрагментов оформлено в диалогической структуре.

Конфликт московитов и новгородцев сознательно сравнивается Карамзиным с классицистическим конфликтом разума и страсти: одушевляющая новгородцев любовь к вольности выступает как личная страсть, мужество московитов интерпретировано как страсть общественная: *«Опытность, хладнокровие мужества и число благоприятствовали Иоанну; пылкая храбрость одушевляла новгородцев, удвояла силы их, заменяла опытность <...>. Как Иоанн величием своим одушевлял легионы московские, так Марфа в Новгороде восплаляла умы и сердца»* (Карамзин 1985: 717–718).

Марфа-посадница, главная героиня повести, которая, словно добродетельная героиня классицистической трагедии ни секунды не колеблется в выборе между сердечной склонностью и велением разума поставлена в ту же самую конфликтную ситуацию : *«Я могла бы наслаждаться счастьем семейственным, удовольствиями доброй матери, богатством, благотворением, всеобщую любовь, почтением людей и – самую нежную горестию о великом отце твоём, но я все принесла в жертву свободе моего народа: самую чувствительность женского сердца – и хотела ужасов войны; самую нежность матери – и не могла плакать о смерти сынов моих!..»* (Карамзин 1985: 725).

Основа художественного метода Карамзина - сентименталистская , пусть даже она и осложнена классицистическими реминисценциями, обусловила существенное расширение личностного аспекта той конфликтной ситуации, в которую поставлена Марфа: ей приходится отдавать в жертву не просто любовь, а вообще всю жизнь чувствительного сердца, включающую

такие высокие позиции нравственной иерархии сентименталистских ценностей, как нежная скорбь о погибшем муже, семейное счастье, материнские чувства.

Но самое важное в этом конфликте то, что подчеркивает полемичность Карамзина по отношению к классицистическому типу миропонимания – это его исход. Карамзин заканчивал свою повесть-трагедию строго по формальным правилам жанра, в отличие от русской классицистической трагедии, неизменно венчавшей жертвенную добродетель ореолом нравственного достоинства, и лишь в крайне редких случаях допускавшей гибель добродетельного персонажа, которая не вызывала удовольствие читателей и критиков своей явной несообразностью с требованиями морали и справедливости. Жертва Марфы оказывается бессмысленной, моральное превосходство над врагом – сомнительным. Она сама усомнилась в необходимости своей жертвы: во время ее казни *«народ и воины соблюдали мертвое безмолвие»*, и самое важное – то, что ни жертва Марфы, ни ее гибель не спасли свободы Новгорода.

При том, что в изложении событий последней войны Новгородской республики и в создании образа Марфы-посадницы повествователь иногда весьма значительно отходил от хорошо известных ему подлинных исторических характеров и событий [Орлов 1977: 243-246], Карамзин завершил повесть строго сообразно фактам действительной истории. И объективная неизменность совершившегося в истории события, которая предписала повести ее изо всех сил предотвращаемый героями трагический финал, интерпретирована Карамзиным как роковая неизбежность осуществления надличностных замыслов судьбы, не зависящей в своих свершениях и решениях ни от действий человека, ни от личных желаний и субъективной воли.

Карамзин склонен рассматривать необъяснимый высший Промысел, надличностную силу как движущую силу истории, и эта концепция сообщает его последней повести своеобразное предромантическое звучание.

Эстетические формы выражения мироощущения всех трех методов соединились воедино в повести «Марфа-посадница», созданной на перекрестке трех литературных эпох – возрождающегося неоклассицизма, уходящего сентиментализма и грядущего романтизма. И предчувствие близости подступающего романтизма более всего выразилось только в романтических мотивах тайны, пророчества и судьбы, определяющих эмоциональный фон повествования.

Внезапное таинственно падение башни с вечевым колоколом; неизвестно, кому принадлежал голос, *«внятный, но подобный глухому стону»* (ср.: «глухой стон времен» в исторической экспозиции повести «Бедная Лиза»), возвестивший близость падения Новгорода: *«О Новгород! Так падет слава твоя! Так исчезнет твое величие!»* (Карамзин 1985: 694). Таинственны причины, побудившие князя Московского Иоанна отвести меч, грозивший Мирославу гибелью в бою, и новгородцы, видя, как чтит Иоанн могилу погибшего Мирослава, *«удивлялись – и никогда не могли сведать тайны Иоаннова благоволения к юноше»* (Карамзин 1977:726), неизвестно происхождение новгородского полководца Мирослава, найденного ребенком на ступенях Лобного места. Пророчество финского волхва о славной судьбе, ожидающей Марфу, оборвано многозначительным многоточием после противительного союза «но», а на могиле Марфы и Ксении *«изобразились буквы, смысл которых доныне остается тайною»* (Карамзин 1985:728). Суть исторической повести Карамзина выражена словами: *«Судьба людей и народов есть тайна Провидения»* (Карамзин 1985:696).

Высказанную писателем в одной из первых его повестей мысль о равновеликости истории души и истории Отечества, Карамзин поднимает на уровень историко-философской проблемы. Последняя повесть Карамзина сравнивает тайну человеческой судьбы с судьбой народной. Опыт психолога-аналитика прослеживается в постоянном развитии мысли от уровня личной жизни маленького человека до уровня исторических судеб

нации в целом, постепенное накопление этого опыта закономерно и неизбежно превращает Карамзина в историка.

Результатом размышлений Карамзина о природе человеческих страстей, породивших воплощение чувствительности его повествовательной манеры стала повесть настроения. Концепция национальной истории Карамзина и ее надличностных движущих сил, с наибольшей вероятностью проявлена в предромантических мотивах повести «Марфа-посадница». Образ фатальной надличностной силы, которая на уровне отдельно взятой человеческой жизни принимает облик стихийной страсти, а на уровне истории народа – облик таинственного Промысла, судьбы впервые возникает в этой жанровой разновидности повести.

Весь творческий путь Николая Михайловича Карамзина как литератора-художника и даже журналиста замыкается в короткий отрезок времени с 1791 по 1803 г. Карамзин двадцать три года своей жизни отдал профессиональной историографии – созданию 12-томной «Истории Государства Российского». Тем не менее, чтобы ознаменовать своим именем целый период развития русской литературы, приобрести славу великого писателя, реформатора русской литературы и языка тринадцати лет литературной деятельности оказалось достаточно.

Влияние Карамзина на своих литературных современников и ближайшее вслед за ним поколение писателей было огромным. Батюшков, Пушкин, Жуковский, прозаики 1830-х гг., арзамасцы, Гоголь – все они прошли литературную школу Карамзина, признавая испытанное ими влияние Карамзина. И для поколения великих романистов второй половины XIX в. творчество Карамзина продолжало оставаться живым эстетическим идеалом: в романе «Бесы» Достоевский, сам в своем раннем творчестве находившийся под сильным влиянием карамзинской художественной прозы, изобразил Тургенева под именем Кармазинова, засвидетельствовав тем самым важность карамзинской традиции и для поздней русской литературы XIX в.

И все литературные потомки, начиная с Белинского, назвавшего именем Карамзина допушкинский период русской литературы, современники видели в Карамзине реформатора, первооткрывателя, совершившего переворот в русской литературе. Имя Карамзина неразрывно связано с понятием «русский сентиментализм», так же, как имя Сумарокова стало синонимом понятия «русский классицизм». В этом смысле год рождения Карамзина-сентименталиста (1766) символичен: Карамзин пришел в русскую жизнь одновременно с проникновением первых сентименталистских веяний в русскую литературу.

С творчеством и именем Карамзина связан новый характер взаимоотношений между писателем и читателем, новый тип восприятия художественного текста читательским сознанием, новый тип связей между литературой и жизнью, окончательная перестройка русского эстетического сознания на новые принципы литературного творчества.

В творчестве Карамзина русская литература нового времени сделалась не формой выражения идеологических тезисов или публицистических деклараций, а по преимуществу искусством, изящной словесностью. Именно Карамзин стал основателем русской литературы нового времени как искусства художественного слова и сформировал своими текстами нового читателя, руководствующегося эстетическими критериями в восприятии художественных текстов.

§ 4. Методические рекомендации по составлению элективного курса «Н.М.Карамзин в истории русской культуры»

Цель курса: освоение школьниками основных закономерностей историко-литературного процесса.

Основные задачи курса:

- воспроизводить содержание литературного произведения;
- анализировать и интерпретировать литературное произведение, используя сведения по истории и теории литературы;

- анализировать эпизод изученного произведения;
- соотносить художественную литературу с фактами общественной жизни и культуры;
- раскрывать роль литературы в духовном и культурном развитии общества;
- готовить учебно-исследовательские работы.

Программа элективного курса состоит из разнообразной проектной и исследовательской деятельности.

Формы работы: конференции, беседы, лекции, выставки, круглые столы, литературные конкурсы.

В основу изучения элективного курса включены два проекта: «Лирика и проза Карамзина», «Нравственность и безнравственность» (фрагменты повести «Бедная Лиза»).

Перед изучением темы проводится лекция. Это помогает обучающимся лучше воспринимать тему. При подготовке к лекции учитель использует разнообразные средства наглядности (например, портреты, иллюстрации, презентации и т. д.). Для восприятия лекции можно пользоваться различными заданиями (например, составление конспекта, проектная деятельность, учебно-исследовательская работа и т.д.). Возникающие проблемы обсуждаются за круглым столом.

Тематическое планирование элективного курса «Н.М.Карамзин в истории русской культуры» рассчитано на 36 часов.

На основании данного планирования учитель создаст программу.

п/п	Тема	Виды деятельности учащихся
1	Личность Н.М.Карамзина. «Карамзин творит Карамзина» (Ю.Лотман)	Лекция учителя: Личность Н.М.Карамзина. «Карамзин творит Карамзина» (Ю.Лотман). конспектирование лекции. Работа с раздаточным материалом. просмотр и обсуждение материалов из сети Интернет. Самостоятельная работа обучающихся составление сообщения по темам: «Роль Канта, Мирабо, Робеспьера в формировании мировоззрения»

		Н.М.Карамзина», «Русский сентементализм». Составление словарей литературных терминов.
2	Н.М.Карамзин – журналист	Лекция учителя «Карамзин – журналист». Конспектирование лекции обучающимися. Просмотр и обсуждение видеоматериалов по теме занятия. Самостоятельная работа по группам. Журнал Н.И.Новикова «Детское чтение для сердца и разума». Работа со словарем.
3	Массонство в творческой биографии писателя. Друзья и соратники Н.М.Карамзина.	Лекция учителя «Массонство в творческой биографии писателя.» Самостоятельная работа обучающихся составление сообщения по темам: «Друзья и соратники Н.М.Карамзина», « влияние Н.И.Новикова и А.М.Кутузова на мировоззрение Карамзина». Самостоятельное конспектирование прочитанной литературы. Работа со словарем литературных терминов.
4	Н.М.Карамзин «Письма русского путешественника»	Лекция учителя с использованием фрагментов из «Писем русского путешественника». Конспектирование лекции обучающимися. Работа с иллюстрациями по теме занятия. Самостоятельная работа обучающихся: реферирование и обсуждение самостоятельно прочитанной литературы. Обсуждение рефератов «Письма русского путешественника», «Особенности русского сентементализма», «Карамзин – поэт». Домашнее задание обучающиеся готовят рефераты.
5	Карамзин –поэт. Проект «Лирика и проза Карамзина»	Лекция «Карамзин –поэт». Конспектирование лекции обучающимися. Самостоятельная работа обучающихся: чтение стихотворений Карамзина и их анализ. Подготовить проект.
6	Карамзин – прозаик. Проект «Нравственность и безнравственность»	Лекция «Карамзин – прозаик». Конспектирование лекции обучающимися. Самостоятельная работа обучающихся реферирование и обсуждение самостоятельно прочитанной литературы. Работа с иллюстративным материалом к повести «Бедная Лиза». Подготовка и

		обсуждение плана проекта. Домашнее задание подготовить проект.
7	Карамзин – реформатор русского языка.	Лекция «Карамзин – реформатор русского языка». Конспектирование лекции обучающимися. Самостоятельная работа обучающихся с материалами Википедии. Работа со словарем.
8	Карамзин – историограф. «История государства Российского»	Лекция «Карамзин – историограф». «История государства Российского» ». Конспектирование лекции обучающимися. Самостоятельная работа обучающихся по группам. Учебно-исследовательская работа: каждая группа анализирует содержание 1-3 томов «Истории государства российского», выбирает одну тему, знакомится с ней в труде Н.М.Карамзина и сопоставляет с материалом учебника по истории Отечества. Результаты исследовательской работы обсуждаются и анализируются. Домашнее задание написать сочинение-эссе «История государства Российского» глазами человека XXI века» Итоговая работа Круглый стол «История государства российского» с использованием результатов самостоятельной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«К чему ни обратиться в нашей литературе – всему начало положено Карамзиным: журналистике, публицизму, изучению истории» [Пирожкова 1978 : 3] – в этом многократно цитированном высказывании Белинского точно определено и значение карамзина в истории русской литературы и разнообразие его дарований, которые он, по выражению Гоголя, «не зарыл в землю» [Белинский 1955:140].

Значение творчества Карамзина для русской культуры велико. В своих произведениях он совместил простоту с лиризмом, создал жанр психологической повести, проложил дорогу Жуковскому, Батюшкову и

Пушкину в поэзии. Сентиментальная повесть способствовала гуманизации общества, она вызвала искренний интерес к человеку. Перелистывая страницы произведений русской литературы, не только девятнадцатого века, но и века двадцатого можно встретиться с любовью, верой в собственные чувства, враждебностью жизни, осуждением общества.

Как журналист Карамзин показал образцы всех видов политических изданий, сделавших их для России традициями.

Как реформатор языка он определил основную линию его развития, потребовав писать, как говорят и говорить, как пишут.

Как просветитель он сыграл важную роль в создании читателя (по словам Белинского, он сумел «заохотить русскую публику к чтению русских книг»), ввел книгу в домашнее образование детей.

Как историк Карамзин создал труд, который принадлежал своей эпохе и привлек внимание не только историков, но и читателей конца XX века.

Как литератор он дал русской культуре достойный пример благородной независимости, создал образ писателя, ставящего собственное достоинство и неподкупность своих убеждений выше любых суетных соображений минуты.

Благодаря этому, Карамзин сумел объединить вокруг себя целое поколение родственных себе по духу литераторов, оказав большое влияние на русскую литературу 1790-1800 годах.

По словам Белинского, с Карамзина началась новая эпоха русской литературы. С Карамзина началось движение к разделению на определенные группировки и партии в современной русской литературе, вследствие чего было поколеблено поклонение «незыблемым» правилам художественного творчества. С 1790-х годов литература начала делаться повседневным общественным занятием, «титуды стали отделяться от таланта», и сам Карамзин служил примером литератора-профессионала. Писатели сделались «двигателями, руководителями и образователями общества», обнаружались попытки «создать язык и литературу». «Карамзин ввел русскую литературу в

сферу новых идей, - и преобразование языка было уже необходимым следствием этого дела». Карамзин развил вкус изящного, ввел в практику русской критики оценку явлений с точки зрения эстетики и науки. Карамзин «был первым критиком и, следовательно, основателем критики в русской литературе...».

Несмотря на то, что Карамзин-критик был вдохновителем сентименталистского направления, он выдвигал и такие эстетические идеи, которые были шире его писательской практики и опередили свое время, послужили в будущем развитию русской литературы. Сам он осознавал, что его собственная деятельность является звеном в исторической цепи преемственных явлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Теоретические работы:

1. Арзуманова, М.А. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина из бумаг А.С.Шишкова [Электронный ресурс] / М.А. Арзуманова. - Режим доступа : <http://xviii.pushkinskiydom.ru/>
2. Барсков, Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века.1780-1792. [Электронный ресурс] / Я.Л.Барсков.- Режим доступа: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html>
3. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений [Текст] в 13 т. Т.6 / В.Г.Белинский.- М.: Художественная литература, 1955. - 435 с.
4. Березина, В.Г. Карамзин-журналист [Текст] / В.Г.Березина // Проблемы журналистики. Вып.1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та,1973. - С. 92-99
5. Буранка, О.М. Русская литература XVIII в. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей [Текст] / О.М. Буранка. - М.: Наука, Флинта, 2007. - 368 с.
6. Вацуро, В. Карамзин возвращается [Электронный ресурс] / В.Вацуро .- Режим доступа : <http://imwerden.de/>
7. Васильев, С.А. «О, бедное человечество». Тема целомудрия и образ потерянного рая в повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза» [Текст] / С.А.Васильев // Литература в школе. - 2017. - №1. - С. 2-6.
8. Вяземский, П.А. Эстетика и критика [Текст] / П.А.Вяземский. - М.: Художественная литература, 1984. - 270 с.
9. Гуковский, Г.А. Русская литература XVIII века. [Текст] / Г.А.Гуковский.- М.: Аспект Пресс, 1998. - 453с.
10. Жуковский, В.А. Конспект истории русской литературы [Текст] /В.А.Жуковский // Карамзин Н.М.: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М.Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология. [Текст]/ Сост. Сапченко Л.А.- СПб:РХГА, 2006.- 535с.

11. Карамзин, Н.М. Избранные сочинения в 2 томах. [Текст] Т.1. / Н.М.Карамзин М.: Художественная литература, 1964. - 235 с.
12. Карамзин, Н.М. Письмо в «Зритель» о русской литературе [Текст] / Н.М.Карамзин // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.- Л.: Художественная литература, 1987. - 479 с.
13. Карамзин, Н.М. Сочинения в 2 томах. [Текст] Т.2. Критика и публицистика. / Н.М.Карамзин - М.: Художественная литература, 1984. - 241 с.
14. Канунова, Ф.З. Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н.М.Карамзина [Текст] / Ф.З. Канунова.- Томск: Изд-во Томского ун-та, 1967. - 60 с.
15. Козлов, В.П. «История государства Российского» Н.М.Карамзина в оценках современников. [Текст] / Н.М.Карамзин.- М.: Наука, 1989.- 226 с.
16. Крылов, И.А. Полное собрание сочинений в 3 томах. [Текст] Т.1/ И.А. Крылов. - М.: Художественная литература, 1945. - 560 с.
17. Кудреватых, А. Эволюция психологизма в прозе Н.М.Карамзина [Электронный ресурс] / А, Кудреватых.- Екатеринбург , 2010.- Режим доступа : <https://superinf.ru/>
18. Лаппо – Данилевский, К.Ю. О филлэнизме Н.М.Карамзина [Электронный ресурс] / К, Ю. Лаппо- Данилевский. - Режим доступа : <http://imwerden.de/>
19. Лихачев, Д.С. Вступительное слово на торжественном вечере, посвященном 225-летнему юбилею со дня рождения Н.М.Карамзина [Текст]/ Д.С.Лихачев // Карамзин Н.М.: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М.Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей.- СПб:РХГА, 2006.- 535с.
20. Лотман, Ю.М. Сотворение Карамзина [Текст] / Ю.М.Лотман. -М. :Книга, 1987. - 336 с.
21. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. «Письма» Карамзина и их место в развитии русской культуры [Текст] / Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский //

- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника.- Л.: Художественная литература, 1984. – 620 с.
22. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в 4 томах. [Текст] Т.4./ М.Ю.Лермонтов.- Л.: Наука, 1981. - 480 с.
23. Макогоненко, Г. Николай Карамзин – писатель ,критик, историк [Электронный ресурс] / Г, Макогоненко .- Режим доступа : <http://velib.com/>
24. Мордовченко, Н.И. Русская критика первой четверти XIX века [Электронный ресурс]/ Н.И.Мордовченко.- Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>
25. Николайчук, Д. Грани женского мира в альманахах Н.М.Карамзина [Электронный ресурс] / Д, Николайчук – Саратов, 2015.- Режим доступа : <http://search.rsl.ru/>
26. Орлов, П.А. Русский сентиментализм. [Текст] / П.А. Орлов.- М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. - 280 с.
27. Пирожкова, Т.В. Н.М.Карамзин – издатель «Московского журнала» [Текст] / Т.В.Пирожкова.- М.: Издательство МГУ, 1978. - 57 с.
28. Погодин, М.П. Н.М.Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. [Электронный ресурс] / М.П.Погодин.- Режим доступа : <http://imwerden.de/publ>
29. Подойницына, И. Своеобразие любовной лирики Н.М.Карамзина [Электронный ресурс] / И,Подойницына // Преподаватель XXI век.- №4.- 2012. - Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/>
30. Позднякова , Е. Фольклоризм прозы Н.М.Карамзина [Электронный ресурс] / Е, Позднякова.- Челябинск, 2003. - Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/>
31. Пушкин ,А.С. Собрание сочинений в 3 томах. [Текст] Т.3. / А.С.Пушкин.- М.: Художественная литература, 1985. - 562 с.
32. Сапченко, Л.А. Карамзин Н.М.: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М.Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей [Текст] / Л.А.Сапченко.- СПб:РХГА, 2006. - 535с.

33. Сапченко, Л.А. «Мы любим друг друга не для счастья любви» [Текст] / Л.А.Сапченко // Литература в школе. - 2016. - №11. - С. 2-7.
34. Смирнов, А.Ф. Николай Михайлович Карамзин. [Текст] / А.Ф.Смирнов.- М.: Российская газета, 2005. - 560 с.
35. Соловьев, Е.А. Карамзин. Его жизнь и литературно-научная деятельность [Текст] / Е.А.Соловьев // Карамзин. Пушкин. Аксаковы. Достоевский. Биографические очерки.- Челябинск: Урал LTD, 1997. - 367 с.
36. Старчевский, А. Николай Михайлович Карамзин. [Текст] / А.Старчевский.- М.: Кучково поле, 2016. - 320 с.
37. Татарина, Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII века. [Текст] / Л.Е. Татарина. - М.: Проспект, 2001. - 368 с.
38. Топоров, В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. [Текст] / В.Н.Топоров.- М.: РГГУ,1995. - 512 с.
39. Тютчев, Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в 6 томах. [Текст] / Ф.И.Тютчев. Т.2.- М.:Классика, 2003. - 350 с.
40. Уральская, М.А. Проза Н.М. Карамзина и русский сентиментализм. [Электронный ресурс] / М.А.Уральская.- Режим доступа: <http://www.proza.ru>
41. Эйдельман, Н. Я. Последний летописец. [Текст] / Н.Я.Эйдельман.– М.: Книга, 2004. - 52 с.
42. Эйхенбаум, Б.М. О прозе. О поэзии. Сборник статей. [Текст] / Б.М.Эйхенбаум.- Л.: Наука, 1986. - 289 с.

II. Список использованных словарей:

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах [Текст] / В.И. Даль.- М.: Прогресс, 1994. - 790 с.
2. Ожегов, С.И.Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов.- М.: Русский язык, 1990. - 870 с.
3. Мещерякова, М.И. Краткий литературоведческий словарь литературных терминов [Текст] / М.И. Мещерякова - М.: Мегатрон, 1998. - 58 с.

4. Новиков, В.И. Энциклопедический словарь юного литературоведа [Текст]/ В.И.Новиков. - М.: Педагогика, 1988. - 257 с.

III. Список источников:

1. Карамзин, Н.М. Бедная Лиза. Наталья, боярская дочь. [Текст] / Н.М.Карамзин. - М.: Советская Россия, 1985. - 670 с.
2. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника [Текст] / Н.М.Карамзин. - Л.: Художественная литература, 1984. - 497с.
3. «Московский журнал. Часть 3» [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://imwerden.de/>
4. Покровский, В.И. «Н.М.Карамзин его жизнь и сочинения» [Электронный ресурс] / В,И.Покровский . - Режим доступа :<http://imwerden.de/>
5. Стрижев, А.Н., Бирюкова, М.А. Н.М.Карамзин и его альманахи [Электронный ресурс] / А,Н.Стрижев . - Режим доступа : <http://www.proza.ru/>